

Джейн Остин
ДОВОДЫ РАССУДКА

Джейн Остин
Доводы рассудка

«Седьмая книга»

1817

Остин Д.

Доводы рассудка / Д. Остин — «Седьмая книга», 1817

Как тяжело жить, если тебя разлучили с любимым человеком, с тем ради которого готова отдать жизнь. Не важно, что поспособствовало этому. На душе так тошно. Чего стоит жизнь после этого? А что если ты собственными руками разрушила свое счастье, сама отвергла любимого человека и понимаешь, что именно он был этим одним единственным, что больше такого уже не найти...

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	14
Глава 4	19
Глава 5	22
Глава 6	28
Глава 7	34
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Джейн Остин

Доводы рассудка

Jane Austen. Persuasion

2012 © Издательство «Седьмая книга». Борисова С.В., Перевод 2012 © Издательство «Седьмая книга». Гудкова Т.И. Редакция 2013 © Издательство «Седьмая книга». Редакция, оформление

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Глава 1

Сэр Уолтер Эллиот из Киллинч-Холла в Сомерсетшире не любил читать. Истинное удовольствие ему доставляла только «Книга Баронетов». Именно она была для него развлечением в часы досуга и утешением, когда он пребывал в расстроенных чувствах. Вновь и вновь перечитывая скупые строки, хранящие память о его благородных предках, сэр Уолтер переполнялся восхищением и уважением, все нежелательные эмоции, причиной которых нередко бывали домашние дела, уходили, уступая место сожалению и высокомерному презрению. Но даже если вдруг, перелистывая страницы нескончаемой хроники прошедшего столетия, сэр Уолтер оставался равнодушным, он всегда мог перечитать историю своей собственной жизни, а уж это средство действовало абсолютно безотказно. Любимая книга хозяина Киллинч-Холла буквально сама собой неизменно открывалась на странице, где красовалась следующая надпись:

«Эллиот из Киллинч-Холла.

Уолтер Эллиот, рождён 1 марта 1760 г., 15 июля 1784 г. сочетался браком с Элизабет, дочерью Джеймса Стивенсона, эсквайра из Саут Парк, графство Глостер; от брака с вышеупомянутой леди (скончавшейся в 1800 г.) имеет дочь Элизабет, рождённую 1 июня 1785 г.; дочь Энн, рождённую 9 августа 1787 г.; сына, мертворождённого 5 ноября 1789 г.; дочь Мэри, рождённую 20 ноября 1791 г.».

Такова в точности была запись, вышедшая изначально из рук издателя. Однако сэр Уолтер добавил некоторые сведения о себе и своей семье. Так, после даты рождения Мэри его рукой были приписаны слова: *«сочеталась браком 16 декабря 1810 г. с Чарльзом, сыном и наследником Чарльза Масгроува, эсквайра из Анперкросса, графство Сомерсет»*, а также с чрезвычайной аккуратностью были вписаны число и месяц кончины супруги.

Далее следовала изложенная в стандартных выражениях история расцвета древнего и респектабельного рода: как они впервые обосновались в Чешире, как объявились в Дагдэйле, где находились на службе у наделённого большой властью шерифа и представляли небольшой городок в трёх парламентах подряд, являя собой образец лояльности, как в первый год правления Карла Второго представитель рода был удостоен титула баронета и так далее, с перечислением всех Мэри и всех Элизабет, на которых женились представители мужской половины семейства, – итого две внушительных размеров страницы, и в конце – изображение герба с подписью: *«Основная резиденция – Киллинч-Холл, графство Сомерсет»*, и приписка, сделанная рукой сэра Уолтера: *«Предполагаемый наследник – Уильям Уолтер Эллиот, эсквайр, правнук второго сэра Уолтера»*.

Тщеславие было главной и определяющей чертой характера сэра Уолтера, причём источником этого тщеславия для него были как собственная персона, так и положение, занимаемое им в обществе. В молодости хозяин Киллинч-Холла был необыкновенно красивым мужчиной, да и сейчас, в свои 54 года, оставался весьма привлекательным. Очень немногие женщины уделяют своей наружности столько внимания, как сэр Уолтер, и очень немногие камердинеры новоиспечённых лордов пребывают в таком же восторге от положения в обществе своих хозяев, как камердинер сэра Уолтера, который полагал, что красота – это дар, уступающий по своей значимости только титулу баронета, поэтому сэр Уолтер Эллиот, сочетавший в себе оба этих бесценных качества, неизменно оставался для него объектом самого трепетного уважения и преданности.

Впрочем, более чем неравнодушное отношение сэра Уолтера к своей внешности и общественному положению можно отчасти оправдать тем, что именно благодаря этим своим

качествам он получил в жёны женщину гораздо более достойную во всех отношениях, чем, собственно, заслуживал. Леди Эллиот была действительно замечательной женщиной, здравомыслящей, милой и добродушной. Если простить ей то, что по молодости лет она не смогла противиться пылкому увлечению, в результате которого и стала именоваться леди Эллиот, то во всём остальном её суждения и поведение всегда были безупречны. По мере возможности она обращала в шутку, смягчала или скрывала промахи мужа и в течение 17 лет заботливо пестовала в нём истинную респектабельность. Не будучи особенно счастливой, она, тем не менее, находила достаточно удовольствия в своих обязанностях, общении с друзьями и детьми, чтобы ценить жизнь, и поэтому, когда пришёл её срок, она покидала этот мир с тяжёлым сердцем. Три девочки, двум старшим 16 и 14 лет, – матери нелегко оставлять после себя такое наследство, тем более, когда приходится препоручить их заботам тщеславного, самодовольного и недалёкого отца. У неё была, однако, одна очень близкая подруга, – разумная и в высшей степени достойная женщина, – которая, будучи сильно привязана к леди Эллиот, обосновалась неподалёку от Киллинг-Холла, в городке Киллинг. Главным образом именно на неё и надеялась леди Эллиот, рассчитывая, что своей добротой и советом она сумеет помочь её дочерям никогда не отступать от тех норм и правил, которые мать так стремилась им привить.

Эта дама и сэр Уолтер НЕ поженились, вопреки ожиданиям и предчувствиям знакомых. Со времени смерти леди Эллиот прошло 13 лет, и они по-прежнему были соседями и близкими друзьями, оставаясь он – вдовцом, а она – вдовой.

Леди Рассел, будучи дамой степенного возраста и столь же степенного характера, и, кроме того, чрезвычайно хорошо обеспеченной, и не должна была задумываться о повторном замужестве, поэтому нет необходимости оправдывать её перед публикой, которая, кстати, скорее склонна выказывать необъяснимое неудовольствие, когда женщина ВЫХОДИТ снова замуж, чем когда НЕ ВЫХОДИТ. Что же касается сэра Уолтера, то его продолжающееся вдовство требует объяснений. Да будет известно в связи с этим, что сэр Уолтер как хороший отец (столкнувшийся, впрочем, с 1–2 разочарованиями личного характера, последовавшими за весьма неразумными предложениями руки и сердца) гордился своей готовностью оставаться вдовцом ради дочерей. Для одной из дочерей, старшей, он действительно пожертвовал бы чем угодно, но подходящих обстоятельств так и не представилось. В 16 лет Элизабет уже унаследовала, насколько возможно, права и положение своей матери. Будучи очень красивой, она всегда имела огромное влияние на отца, и они прекрасно ладили друг с другом. Двух других дочерей сэр Уолтер ценил значительно меньше. Мэри приобрела некоторую искусственную значимость, став миссис Чарльз Масгроув, Энн же, чей утонченный ум и мягкий характер по достоинству оценили бы те, кто действительно разбирается в людях, не пользовалась ни у отца, ни у сестры ни малейшим уважением: её слово не имело никакого веса, ей всегда приходилось поступаться своими интересами ради интересов других – ведь она всего лишь Энн!

Однако для леди Рассел Энн была бесконечно дорогой приёмной дочерью, любимицей, которую она очень высоко ценила и считала своим другом. Леди Рассел любила все их семейство, но только в Энн она, казалось, видела возрождённой её мать.

Несколькими годами раньше Энн Эллиот была очень хорошенькой девушкой, но быстро отцвела. Отец же, который находил в ней мало привлекательного даже когда она была наиболее очаровательна (настолько её тонкие черты и мягкие тёмные глаза отличались от его собственных), теперь вообще не видел в поблекшей и похудевшей дочери ничего, что могло бы изменить к лучшему его мнение о ней. Никогда, в общем-то, и не питавший особенных надежд, теперь он и вовсе отчаялся когда-нибудь увидеть её имя на какой-либо другой странице любимой книги. На равный брак можно было рассчитывать только в случае Элизабет: Мэри вышла замуж за человека из семьи, которая всего лишь уважаема и богата, прибавив, таким образом, благородства им, но не получив ничего для себя. Элизабет когда-нибудь сделает соответствующую партию.

Иногда случается, что в 29 лет женщина более привлекательна, чем 10-ю годами раньше. Можно даже сказать, что, если не вмешиваются физические болезни или тревоги, то очарование едва ли хоть сколько-нибудь утрачивается в этом возрасте. Так было с Элизабет: она была всё той же красавицей мисс Эллиот, которой стала 13 лет назад. Поэтому можно простить сэру Уолтеру забывчивость в отношении её возраста или, хотя бы, считать его только наполовину глупцом за то, что он считал себя и Элизабет цветущими по-прежнему среди увядающей красоты всех остальных: ведь он отчётливо видел, как стареют остальные члены его семьи и знакомые. Энн выглядела худой и измождённой, Мэри – далеко не утонченной, лица соседей и знакомых постепенно теряли привлекательность. На висках леди Рассел резко увеличилось количество морщинок, с чем он долго не мог смириться.

Нельзя сказать, однако, что Элизабет была довольна собой абсолютно также, как и её отец. 13 лет она была хозяйкой в Киллинч-Холле, управляя и распоряжаясь с самообладанием и решительностью, которые никак не способствовали тому, чтобы она казалась моложе своих лет. Целых 13 лет она принимала гостей, устанавливала порядки в доме, скакала верхом впереди экипажа или двуколки и выходила из всевозможных салонов и гостиных первой после леди Рассел. В течение 13 зим именно она открывала всякий более-менее достойный бал, который могло себе позволить не слишком богатое графство, а каждую весну отправлялась с отцом в Лондон, чтобы на несколько недель окунуться в полную блеска и развлечений светскую жизнь города. Все эти впечатления хранились в её памяти, и она вполне осознавала, что ей уже 29, что было для неё источником сожалений и смутного беспокойства. Элизабет очень хорошо знала, что по-прежнему красива, но ощущала приближение опасного возраста, и уверенность, что в ближайший год – два какой-нибудь баронет станет настойчиво добиваться её руки, принесла бы ей огромное облегчение. Тогда, возможно, она с таким же удовольствием, как в юности, обратилась бы снова к Книге Баронетов, которая сейчас не доставляла ей радости. Более того: Книга стала злом, поскольку там была дата рождения Элизабет, но, увы, не было даты её бракосочетания, а только запись о замужестве младшей сестры. Нередко, когда отец забывал Книгу открытой на столе, дочь старалась даже не смотреть на неё, а захлопывала и убирала подальше.

Кроме того, Книга, и особенно запись о семействе Эллиотов, была для Элизабет постоянным напоминанием об одном очень личном разочаровании, повинен в котором был тот самый Уильям Уолтер Эллиот, эсквайр, «предполагаемый наследник», права которого её отец столь благородно признавал.

Элизабет была ещё совсем юной, когда узнала, что, поскольку у сэра Уолтера нет сына, этому молодому человеку суждено стать баронетом. Уже тогда она решила, что выйдет за него замуж. Точно также считал и её отец. Детство кандидата в мужья прошло вне поля зрения Эллиотов, но вскоре после смерти леди Эллиот сэр Уолтер стал предпринимать попытки познакомиться с ним, и, хотя никакой ответной реакции не последовало, продолжал упорствовать, объясняя себе поведение молодого человека его скромностью. В конце концов, во время одной из весенних поездок в Лондон, когда Элизабет ещё только расцветала, господина Эллиота всё-таки вынудили к знакомству.

В то время он был ещё очень молод и только-только начал заниматься юриспруденцией. Элизабет нашла его в высшей степени привлекательным и окончательно утвердилась в своём намерении. Молодого человека пригласили в Киллинч-Холл, о нём говорили и его ждали весь остаток года, но он так и не приехал. Следующей весной в Лондоне его снова видели, снова всячески подбадривали, приглашали и затем ждали, но он и на этот раз не приехал, а затем пришла весть, что он женился. Вместо того чтобы стать наследником дома Эллиотов, он купил себе независимость, сочетавшись браком с богатой женщиной менее знатного происхождения.

Сэр Уолтер не мог с этим смириться. Он чувствовал, что с ним, как с главой дома, должны были посоветоваться – особенно после того, как он столь явно оказывал молодому человеку своё покровительство. «И ведь нас, должно быть, видели вместе, – думал он, – однажды в Тат-

терсаль и дважды – в вестибюле Палаты общин». Сэр Уолтер не скрывал своего неодобрения, но никто не обратил на это никакого внимания. Господин Эллиот даже не попытался принести извинения и продемонстрировал полное безразличие к тому, будут ли Эллиоты впредь поддерживать с ним отношения – что сэр Уолтер счёл его абсолютно недостойным. На этом знакомство прекратилось.

Воспоминания об этой весьма неловкой истории даже теперь, спустя несколько лет, вызывали гнев Элизабет, которой молодой человек нравился и сам по себе и особенно – как наследник её отца, и которая, в силу фамильной гордости, только в нём видела достойную партию для старшей дочери сэра Уолтера Эллиота. Никакого другого баронета, сколь бы благородным он ни был, не признала бы она столь же охотно равным себе. Однако он повёл себя настолько недостойно, что, хотя она и носила сейчас (летом 1814 г.) чёрные ленты в знак траура по его жене, тем не менее, не считала возможным думать о нём снова. Возможно, его оскорбительной женитьбе и позволили бы кануть в прошлое, поскольку она вроде бы не была увековечена наличием отпрысков, если бы молодой человек не совершил ещё более страшного преступления: как не замедлили довести до сведения Эллиотов вездесущие доброжелатели, он весьма неуважительно отзывался о своих родственниках, говорил с презрением и пренебрежением и о самой фамилии, к которой принадлежал, и обо всем том, что должен унаследовать. Это было совершенно непростительно.

Таковы были чувства и мысли Элизабет Эллиот. Именно эти заботы и волнения омрачали, но вместе с тем и разнообразили её жизнь – монотонную и элегантную, безбедную и пустую, зажатую в узкие рамки местного общества. Да это и не удивительно: ведь Эллиоты не имели привычки путешествовать за границей, у них не было никаких особенных увлечений или любимых занятий, за которыми можно проводить время.

Однако теперь к этим привычным заботам добавился еще один повод для беспокойства: отец Элизабет все больше и больше переживал из-за денег. Она знала, что теперь он обращался к Книге Баронетов, когда хотел отвлечься от мыслей о счетах, которые присылали торговцы, и от ехидных намеков господина Шеперда, его агента. Киллинг-Холл был доходным имением, но не настолько, чтобы удовлетворять потребности своего владельца. Когда леди Эллиот была жива, хозяйство велось по определенным правилам, с умеренностью и экономией, и в строгом соответствии с доходами. Однако вместе с женой сэр Уолтер похоронил и эти порядки, и с тех пор его расходы постоянно превышали доходы, получаемые с имения. Он не мог тратить меньше, поскольку и так делал только то, чего просто не мог не делать в силу своего благородного происхождения, но, хотя все его действия и были абсолютно оправданы, он не только глубоко увяз в долгах, но и стал слышать об этом от других настолько часто, что не имело смысла продолжать скрывать плачевное состояние финансов от дочери. Он уже попытался намекнуть ей на положение дел, когда они были весной в Лондоне. Он даже решился спросить ее, нельзя ли на чем-нибудь сэкономить, и надо отдать должное Элизабет, она, всерьез обеспокоившись, немедленно начала размышлять, и, в конце концов, предложила две меры: сократить некоторые излишние расходы на благотворительность и воздержаться от покупки новой мебели в гостиную. Затем ей также пришла в голову счастливая мысль, что можно на этот раз не везти подарка для Энн, что традиционно делалось каждый год. Однако этими мерами, сколь бы превосходны они не были, оказалось явно невозможно поправить положение дел, в чем сэр Уолтер и был вскоре вынужден признаться дочери. Элизабет оказалась неспособной предложить что-либо более эффективное. Как и ее отец, она чувствовала себя жестоко и несправедливо обиженной судьбой, и ни один из них не представлял себе, каким образом сократить расходы, не потеряв достоинства и не ограничив себя во всем сверх всякой допустимой меры.

Небольшую часть имения, расположенную на отшибе, сэр Уолтер мог бы продать без особенного ущерба, однако даже если бы вся земля была расположена точно также, это бы ничего не изменило. Он снизошел до того, чтобы заложить имение, поскольку имел такую

возможность, но он никогда бы не согласился ничего продавать. Нет, он ни за что не опозорил бы так свое имя. Киллинч-Холл должен перейти к его наследникам целиком и полностью, как он сам когда-то получил его.

Двое доверенных друзей, господин Шепперд, живший в торговом городке по соседству, и леди Рассел, были теми людьми, от которых ждали совета в сложившейся ситуации. И отец и дочь ожидали, по-видимому, что кто-нибудь из этих двоих найдет выход из затруднительного положения, и расходы сами собой сократятся, не заставляя их поступаться ни чувством вкуса, ни гордостью.

Глава 2

Господин Шепперд предпочел бы, конечно, *недостойное* решение проблемы, которое напрашивалось само собой, но, какими бы ни были его соображения относительно сэра Уолтера, он был корректным человеком и осторожным юристом, а потому вежливо уклонился от дачи каких-либо советов, и полагался только на здравомыслие леди Рассел, от которой ждал предложения тех самых радикальных мер, которых, по его мнению, в конечном итоге все равно не удастся избежать.

Леди Рассел приняла проблему чрезвычайно близко к сердцу и отнеслась к ней со всей возможной серьезностью. Она была женщиной скорее обстоятельной, чем способной быстро принимать решения, а в данной ситуации ей особенно трудно было прийти к какому-либо выводу из-за противоречивости собственных ощущений. Леди Рассел была женщиной весьма строгих правил и очень чувствительной в вопросах чести. Но, вместе с тем, она искренне хотела помочь сэру Уолтеру и сберечь репутацию семьи, поскольку ее понятия о том, как подобает жить столь благородному семейству, были ничуть не менее аристократичны, чем у самого сэра Уолтера. Это была великодушная, отзывчивая и добрая женщина, никогда не поступавшаяся правилами, строго соблюдавшая приличия, с манерами, которые были примером безупречности воспитания. Ее суждения отличались разумностью и, в целом, рациональностью и последовательностью, но не были свободны от предрассудков в том, что касается происхождения. Она ценила титулы и положение в обществе, а потому ее мнение о тех, кто ими обладал, не всегда было достаточно объективным. Будучи вдовой простого дворянина, она отдавала должное титулу баронета. Поэтому сэр Уолтер, даже не будь он старинным знакомым, внимательным соседом, любезным землевладельцем, мужем дорогой подруги и отцом Энн и ее сестер, все равно был бы, с точки зрения леди Рассел, достоин всяческого сочувствия и понимания в столь затруднительных обстоятельствах.

Необходимо экономить – это не вызывало ни малейшего сомнения. Однако леди Рассел очень хотелось бы, чтобы сэр Уолтер и Элизабет страдали как можно меньше. Она разрабатывала планы экономии, делала расчеты, и она советовалась с Энн, чего никто в семье не делал, поскольку никто, похоже, не считал, что и для нее эта проблема не безразлична. Однако леди Рассел это сделала, и именно на советах Энн во многом основывался план экономии, представленный, в конце концов, сэру Уолтеру. Все, что внесла в план Энн, было, скорее, на стороне честности, чем чести. Она полагала, что меры должны быть решительнее, перемены глубже, что от долгов надо освобождаться как можно быстрее, и что не стоит особенно заботиться ни о чем, кроме справедливости и беспристрастности.

– Если мы сможем убедить во всем этом вашего отца, – сказала леди Рассел, прочитав предложенный Энн план, – то многое можно будет сделать. Если он согласится с этими правилами, то за 7 лет расплатится со всеми долгами. Надеюсь, нам удастся убедить вашего отца и Элизабет, что респектабельность Киллинч-Холла не пострадает, если сократить расходы, и что достоинство сэра Уолтера Эллиота в глазах разумных людей ничего не потеряет, если он будет действовать как человек с принципами. В конце концов, что такого особенного он будет делать? Только то, что уже многие делали до нас, или должны сделать. В этом не будет ничего исключительного, а ведь именно она приносит обычно больше всего страданий и хуже всего выглядит. Я очень надеюсь, что мы возьмем верх. Мы должны быть серьезны и решительны: как бы там ни было, долги надо платить. Конечно, нельзя игнорировать чувства джентльмена и главы семейства, каковым является ваш отец, но честный человек обязан оставаться честным.

Энн очень хотелось бы, чтобы ее отец следовал в дальнейшем этим принципам, а друзья помогали бы ему. Она считала абсолютно необходимым рассчитаться с кредиторами настолько быстро, насколько могла позволить самая жесткая экономия – любые другие пути казались

ей недостойными. Она хотела, чтобы экономия была строго обязательной и воспринималась именно как обязанность. Энн была готова ограничить себя во всем, однако, сколь бы большие надежды не возлагала она на влияние леди Рассел, у нее было предчувствие, что убедить отца и Элизабет в необходимости решительных действий будет немногим более невозможно, чем уговорить их на полумеры. Насколько она знала этих двоих, пожертвовать одной парой лошадей для них будет ничуть не менее болезненно, чем двумя, – и так далее, по всему списку леди Рассел, который Энн считала неоправданно щадящим.

Как были бы восприняты более радикальные идеи Энн не суть важно, поскольку план леди Рассел полностью провалился, как нечто, с чем невозможно мириться и что нельзя терпеть ни при каких обстоятельствах.

– Как! Отказаться от всего, что есть хорошего в жизни! Путешествия, Лондон, слуги, стол – во всем себя ограничивать! Отказаться даже от того, что подобает каждому джентльмену! – нет, он скорее сразу уедет из Киллинч-Холла, чем будет жить здесь на таких недостойных условиях.

«Уехать из Киллинч-Холла», – за эту мысль моментально ухватился господин Шепперд, у которого был свой интерес в экономности хозяйства сэра Уолтера, и который был глубоко убежден, что без переезда этой проблемы не решить. Он заявил, что, поскольку предложение исходит от самого хозяина, то теперь и он, Шепперд, может прямо сказать, что полностью с ним согласен: нет никакой возможности изменить образ жизни в доме, где сложились определенные традиции гостеприимства, и где необходимо поддерживать веками существовавшие устои. В любом же другом месте сэр Уолтер будет решать сам за себя, и какие бы порядки он не завел в доме, все будут смотреть на него снизу вверх и руководствоваться его примером.

Сэр Уолтер уедет из Киллинч-Холла. Через несколько дней сомнений и нерешительности вопрос стоит ли ехать был решен, и был составлен первоначальный план этого предприятия.

Существовало три альтернативы: Лондон, Бат или какой-нибудь другой дом недалеко от Киллинч-Холла. Энн очень хотела, чтобы выбор пал на последний вариант: небольшой дом в деревне, где они продолжали бы наслаждаться обществом леди Рассел, были бы недалеко от Мэри и имели бы возможность изредка любоваться лугами и рощами Киллинча – такова была ее мечта. Однако как случилось и раньше, было принято решение, абсолютно противоположное ее желанию. Она недолюбливала Бат и считала, что он ей не подходит – так вот именно этот город должен был стать ее домом. Сначала сэр Уолтер больше подумывал о Лондоне, но господин Шепперд, чувствуя, что это слишком ненадежно, сумел разубедить его и заставить предпочесть Бат. Это было гораздо более подходящее место для джентльмена в затруднительном положении – там можно быть важной персоной и не нести при этом особенных расходов. Бат имел также два объективных преимущества перед Лондоном, которые были представлены со всей возможной наглядностью: он был ближе к Киллинчу – всего в 50 милях, и леди Рассел обычно проводила здесь часть зимы. В результате, к немалому удовольствию леди Рассел, которая сразу же подумала о Бате, когда возникла мысль о переезде, сэра Уолтера и Элизабет удалось склонить к мысли, что, переехав в Бат, они не уронят своего достоинства и не перестанут получать удовольствие от жизни.

Леди Рассел чувствовала себя обязанной пойти против известного ей желания своей дорогой Энн. Было бы слишком жестоко требовать от сэра Уолтера, чтобы он согласился переехать в маленький домик неподалеку от собственного имения. Сама Энн поняла бы позднее, что это гораздо более унижительно, чем она могла себе представить, а для сэра Уолтера это было бы невыносимо. Что же касается отношения Энн к Бату, то она считала его ошибочным и основанным на предубеждении, причину которого видела в том, что девушка всегда оказывалась там при неблагоприятных обстоятельствах: после смерти матери училась в этом городе в пансионе в течение 3 лет, а в ту единственную зиму, которую провела там с самой леди Рассел, находилась не в самом лучшем состоянии.

Леди Рассел нравился Бат и она была склонна надеяться, что он всем им прекрасно подойдет. Никакой опасности для здоровья ее юной подруги город представлять не будет, если проводить вместе с ней все теплое время года в Киллинч Лодж. Перемена должна пойти на пользу здоровью, да и поднять настроение. Энн слишком редко выезжала из дома, ее слишком мало видели. Она пребывала в унынии. Возможность чаще бывать в обществе поднимет ей дух. Леди Рассел хотела, чтобы Энн стала более известна в свете.

Сэр Уолтер никогда не согласился бы жить в домике поблизости от Киллинч-Холла, и это объяснялось сугубо материальными соображениями, которые, собственно, и лежали в основе самой идеи переезда: он не только должен был уехать из собственного имения, но ему пришлось бы видеть его в руках посторонних людей, а это испытание нередко оказывалось не под силу людям, которые были посильнее духом, чем сэр Уолтер, – Киллинч-Холл решено было сдать в аренду. Однако это следовало хранить в глубочайшей тайне от всех, кто не принадлежал к узкому кругу посвященных в проблему.

Для сэра Уолтера было бы невыносимым позором, если бы кто-нибудь узнал, что он ищет жильцов, чтобы сдать собственный дом. Заикнувшийся было о рекламе господин Шепперд, никогда больше не осмеливался произносить этого слова. Сэр Уолтер не допускал даже мысли о том, чтобы ПРЕДЛАГАТЬ дом каким бы то ни было образом – никто не смел подозревать, что у него были подобные намерения. Если он когда-либо сдаст Киллинч-Холл, то только в порядке большого одолжения, в том случае, если его попросит об этом безупречный во всех отношениях человек, согласный на любые условия, причем такой человек должен был найтись сам собой.

Как легко находятся доводы в пользу решения, которое нам приятно! Леди Рассел моментально нашла еще одну причину радоваться, что Эллиоты переезжают: последнее время у Элизабет появилась подруга, которую леди Рассел была бы рада иметь возможность отдалить, – дочь господина Шепперда, вернувшаяся в дом отца после неудачного замужества с двумя детьми на руках. Это была умная молодая женщина, владеющая искусством быть приятной, – приятной, по меньшей мере, обитателям Киллинч-Холла. Во всяком случае, она сумела так понравиться Элизабет, что неоднократно ночевала в Киллинч-Холле, несмотря на все намеки леди Рассел об осторожности и сдержанности.

На самом деле едва ли леди Рассел имела хоть какое-нибудь влияние на Элизабет и, казалось, любила ее просто потому, что любила, а не потому, что Элизабет была этого достойна. Она никогда не видела от нее большего, чем показное внимание и вежливая любезность, ей никогда не удавалось ни в чем ее переубедить. Она неоднократно пыталась сделать так, чтобы Энн тоже принимала участие в поездках в Лондон, поскольку прекрасно понимала, насколько несправедливо и эгоистично отец и сестра поступали в отношении девушки, да и по менее важным вопросам леди Рассел нередко давала Элизабет советы, опираясь на свой здравый смысл и жизненный опыт, но напрасно. Элизабет всегда все делала по-своему, но теперь она более явно, чем когда бы то ни было, шла против желания леди Рассел, выбрав себе в подруги миссис Клей. Имея прекрасную сестру, Элизабет пренебрегала ее обществом, чтобы одаривать своим расположением и откровенностью особу, которая не должна была бы удостоиться ничего, кроме холодной вежливости.

По мнению леди Рассел, миссис Клей была, в силу своего положения, недопустимо ниже Элизабет, а в силу своего характера, могла стать слишком опасной компаньонкой. Поэтому, переезд в другое место, где не будет миссис Клей, а появятся более достойные общества мисс Эллиот молодые женщины, приобретал особую важность.

Глава 3

– Должен заметить, сэра Уолтер, что сложилась весьма благоприятная для нас ситуация, – сказал однажды утром господин Шепперд, откладывая в сторону газету. – Заключение мира приведет к тому, что наши богатые господа флотские офицеры вернуться на берег, и всем им надо будет где-то жить. Лучшего времени не бывает, чтобы подобрать жильцов – очень ответственных жильцов. Не одно состояние было сколочено во время войны. Если к нам забредет богатый адмирал...

– То ему крупно повезет, Шепперд, – это все, что я могу сказать, – ответил сэра Уолтер. – Киллинч-Холл будет для него призом – самым великолепным призом в жизни, сколько бы он там не получал их раньше, а, Шепперд?

Шепперд знал, что шутке следует посмеяться, и он рассмеялся, а потом продолжил свою мысль:

– Я хочу сказать, сэра Уолтер, что с точки зрения бизнеса, с господами морскими офицерами очень приятно иметь дело. Я немного знаком с тем, как они ведут дела, и смею утверждать, что они весьма щедры и будут не менее приятными жильцами, чем какие-нибудь другие люди. В виду вышесказанного, я осмелюсь сказать следующее: вполне могло бы случиться так, что слухи о вашем намерении сдать дом все-таки появились. А я полагаю, что это более, чем возможно, ведь вы знаете, как сложно скрыть от чужого любопытства какие-то действия или намерения. Все мы понимаем, что за положение в обществе приходится платить: я, Джон Шепперд, смог бы скрыть от глаз посторонних свои семейные секреты, поскольку никто и не подумает наблюдать за мной, но сэру Уолтеру Эллиоту избежать всеобщего внимания невозможно. Поэтому я бы не слишком удивился, если бы, несмотря на все наши предосторожности, правда все-таки просочилась бы наружу. Если предположить, что такое произошло, то среди множества претендентов, которые, несомненно, появятся, я бы считал достойным внимания предложение от любого из наших состоятельных флотских командиров. И хочу добавить, что в любой момент двух часов мне будет достаточно, чтобы приехать и избавить вас от необходимости давать ответ самому.

Сэра Уолтер только молча кивнул. Впрочем, вскоре он поднялся и, меряя шагами комнату, заметил с сарказмом:

– Полагаю, очень немногие из господ морских офицеров не будут поражены, оказавшись в таком доме.

– Без сомнения, они будут благодарить свою счастливую звезду, – подтвердила миссис Клей, которая не замедлила явиться – отец привез ее с собой, поскольку ничто не оказывало столь благоприятного влияния на здоровье миссис Клей, как поездки в Киллинч. – Я, кстати, полностью согласна с моим отцом в том, что моряк может оказаться весьма приятным жильцом. Я со многими из них была знакома, и все они не только очень щедры, но и в высшей степени опрятны и аккуратны во всем! Ваши бесценные картины, сэра Уолтер, будут в полной сохранности, если вы предпочтете оставить их здесь. О доме будут превосходно заботиться, сады и аллеи обихаживать практически также, как это делается сейчас. Вы можете быть абсолютно уверены, сэра Уолтер, что ваш очаровательный цветник не придет в запустение!

– Что до этого, – холодно отметил сэра Уолтер, – то если предположить, что я склоняюсь к мысли сдать дом, то у меня есть вполне определенные соображения относительно того, какие дополнительные привилегии я соглашусь предоставить жильцу. Я не расположен предоставлять ему слишком больших прав. Разумеется, ему и нескольким морским офицерам или людям другого рода занятий, будет позволено гулять в парке, но что до сада – это другое дело. Здесь я предполагаю наложить некоторые запреты. Мне совсем не нравится мысль, что посторонние в любое время смогут ходить по моим аллеям, и я намерен порекомендовать мисс Эллиот не

оставлять без внимания цветник. Говорю вам, я вовсе не расположен предоставлять жильцу Киллинч-Холла никаких особенных прав, будь то моряк или любой военный!

После неловкой паузы господин Шепперд счел нужным сказать:

– Во всех подобных случаях составляется договор, который делает отношения между владельцем и жильцом ясными и понятными. Ваши интересы, сэр Уолтер, находятся в надежных руках. Полагайтесь на меня, и ни один жилец не будет иметь больше прав, чем вы сочтете справедливым ему предоставить. Осмелюсь намекнуть, что сам сэр Уолтер не сможет и вполнину столь ревностно оберегать свое имущество, как это будет делать для него Джон Шепперд.

Здесь в разговор вступила Энн:

– Я думаю, что моряки, которые так много для нас делают, могут, по крайней мере, в такой же степени, как и все другие, рассчитывать на комфорт и привилегии в доме. Мы все должны признать, что морякам тяжело достается этот комфорт.

– Это справедливо. То, что сказала мисс Энн, очень справедливо, – моментально отреагировал господин Шепперд.

– О, разумеется! – не менее быстро присоединилась к отцу дочь. Однако далее последовала ремарка сэра Уолтера:

– Профессия эта, безусловно, полезна, но я бы не хотел, чтобы к ней принадлежал кто-то из моих друзей.

– РАЗУМЕЕТСЯ, – был ответ, сопровождавшийся, тем не менее, вопросительными взглядами.

– Именно так. Это неприятно мне по двум причинам, и, соответственно, у меня есть два серьёзных возражения по этому поводу. Во-первых, это лазейка для людей сомнительного происхождения, которым удается таким образом занять непозволительно высокое положение и иметь почет, о котором их отцы и деды не могли и мечтать. Во-вторых, эта служба особенно сильно старит мужчину и лишает его сил. Моряки стареют быстрее, чем кто бы то ни было – я наблюдал это всю жизнь. Это слишком оскорбительно: знать, что твой отец, возможно, даже не снизошел бы до разговора с человеком, сын которого делает на твоих глазах блестящую карьеру. От подобных унижений люди раньше времени деградируют. Однажды прошлой весной я оказался в обществе двух мужчин, которые являли собой ярчайший пример того, о чем я говорю. Один из них – лорд Сент Ив, а между тем мы прекрасно знаем, что его отец был деревенским священником и не всегда имел даже кусок хлеба. И мне пришлось уступать место этому лорду Сент-Иву и некоему адмиралу Болдуину – личности, настолько отталкивающей, насколько это вообще возможно, с лицом темно-коричневого цвета, огрубевшим и обветренным до последней степени, сплошь в шрамах и морщинах, с остатками седых волос на висках и следами пудры на лысине. «Ради всего святого, кто этот старик?» – спросил я у друга, стоявшего рядом (сэра Базиля Морели). «Старик? – воскликнул сэр Базиль. – Это адмирал Болдуин. Сколько ему лет, по-вашему?» «60, – ответил я, – или, возможно, 62». «40, – сказал сэр Базиль, – 40, и ничуть не больше». Вообразите себе мое изумление! Мне не просто будет забыть адмирала Болдуина. Я никогда не видел более отталкивающего примера того, что может сделать с человеком жизнь на море. Хотя в какой-то степени это происходит с ними со всеми. Их носит повсюду в любую погоду, в любых условиях, пока их внешний вид не становится буквально неприличным. Жаль, что их жизнь не обрывается сразу, прежде, чем они достигают возраста адмирала Болдуина.

– Однако, сэр Уолтер, это жестоко! – воскликнула миссис Клей. – Пожалейте хоть немного этих несчастных. Не всем нам суждено быть красивыми. Разумеется, море не красит человека, и моряки действительно стареют раньше времени – я часто наблюдала, как быстро они перестают выглядеть молодо. Но разве, не то же самое происходит с людьми других профессий, я бы даже сказала, с большинством? Солдаты выглядят не лучше, да и в более спокойных профессиях, пусть не физический, так умственный труд все равно не дает человеку

состариться в положенное время. Юрист – это постоянные изнуряющие заботы, врач – редко имеет возможность выспаться и ездит по больным в любую непогоду, даже священник... – она остановилась на секунду, чтобы подумать, что же угрожает священнику, – даже священник обязан входить в комнаты инфекционных больных и рисковать своим здоровьем и внешнею в помещении, где воздух буквально отравлен. Я уже давно убеждена, что, хотя все профессии нужны и по-своему достойны, только тот, кто ведет размеренный образ жизни вдалеке от суеты, в деревне, сам выбирает себе занятия, следует только собственным желаниям, живет на доходы с собственности и не стремится иметь больше, – только тому позволено Господом долго сохранять здоровье и красоту. Я не знаю никого, кто вел бы иной образ жизни, и не был бы обречен на грустные перемены в облике, как только минует пора первой молодости.

Казалось, что у господина Шепперда в его стремлении переговорить от имени сэра Уолтера с каким-нибудь морским офицером, открылся дар прозрения, поскольку первым человеком, заинтересовавшимся домом, оказался некий адмирал Крофт, с которым Шепперд вскоре встретился в Таунтоне, куда приехал по делам. На самом деле, кое-какие сведения об адмирале Шепперду прислал один из лондонских газетчиков. В соответствии с этой информацией, которую господин Шепперд немедленно привез в Киллинч-Холл, адмирал Крофт был родом из Сомерсетшира и хотел теперь, составив себе весьма приличное состояние, поселиться в родных местах. Он приехал в Таунтон, чтобы выяснить, какие дома сдаются в аренду, но не нашел ничего подходящего. В это время он случайно узнал (господин Шепперд не преминул отметить, что, как он и предсказывал, намерения сэра Уолтера невозможно сохранить в тайне), о возможной сдаче в аренду Киллинч-Холла. Узнав также, что господин Шепперд имеет некоторое отношение к владельцу, адмирал не замедлил представиться, чтобы узнать все поподробнее. После довольно длительной беседы он выразил настолько явное желание снять дом, насколько это вообще возможно для человека, представляющего себе Киллинч-Холл только с чужих слов. Кроме того, он подробнейшим образом рассказал о себе господину Шепперду и представляется последнему в высшей степени ответственным и надежным жильцом.

– А кто такой этот адмирал Крофт? – довольно холодно и с подозрением осведомился сэр Уолтер.

Господин Шепперд поручился, что адмирал из благородной семьи и даже назвал некое место, откуда тот был родом. После небольшой паузы Энн добавила:

– Он контр-адмирал Белой 1 эскадры, участвовал в битве при Трафальгаре, а потом был в Ост-Индии. Здесь он, как мне кажется, уже несколько лет.

– Тогда нисколько не сомневаюсь, что его лицо такое же оранжевое, как отвороты на моем костюме, – проворчал сэр Уолтер.

Господин Шепперд поторопился заверить его, что адмирал – человек крепкий, здоровый, приятной наружности, с лицом, конечно, слегка обветренным, но не сильно; истинный джентльмен и в суждениях, и в поведении, готов принять любые условия – хочет только иметь удобный дом и въехать как можно быстрее; готов платить за удобство, хорошо представляет себе, сколько может стоить подобное жилье и не удивился бы, назначь сэр Уолтер еще более высокую цену; хотел бы иметь возможность иногда пострелять в парке, но не придает этому слишком большого значения – иногда берет в руки ружье, но только для забавы. То есть, истинный джентльмен.

Шепперд с редким красноречием описывал семейное положение адмирала, которое делало его еще более желанным жильцом. Крофт был женат и не имел детей – что может быть лучше? О доме никогда не будут заботиться соответствующим образом, если в доме нет леди. Шепперд полагал, что мебель в доме почти в такой же опасности, если в нем не живет леди, как когда в нем живет много детей. Леди же без детей – самая надежная гарантия сохранности мебели. Он был представлен леди Крофт, которая приезжала в Таунтон вместе с мужем, и присутствовала при беседе относительно дома.

– Эта женщина показалась мне весьма вежливой, милой и вместе с тем проникательной. Она задавала больше вопросов о доме, об условиях, о налогах, чем сам адмирал, и, похоже, лучше знакома с бизнесом. Более того, сэр Уолтер, оказалось, что с нашими краями она связана не только через мужа, но что она сестра джентльмена, который когда-то жил неподалеку от нас. Она сама мне это сказала – что она сестра джентльмена, который несколько лет тому назад жил в Монкфорде. Господи, как же его имя? Никак не могу вспомнить имя, хотя слышал его совсем недавно. Пенелопа, дорогая, ты не напомнимшь мне имя того джентльмена, который жил в Монкфорде, – брата миссис Крофт?

Однако миссис Клей была настолько увлечена разговором с мисс Эллиот, что не слышала вопроса.

– Понятия не имею, о ком вы говорите, Шепперд. Я не помню ни одного джентльмена в Монкфорде со времен старого губернатора Трента.

– Господи, помилуй! Как все-таки странно! Думаю, скоро я забуду, как зовут меня самого. Я ведь так хорошо знаю это имя, прекрасно помню лицо этого господина, видел его множество раз, однажды он приходил ко мне проконсультироваться насчет своего соседа, который не уважал границу частных владений: кто-то из соседских людей вломился в его оранжерею, повредил стену и пытался украсть яблоки, но был пойман. Вопреки моему совету этот господин согласился тогда на дружеский компромисс. Как же все-таки странно!

– Полагаю, вы говорите о господине Вентворфе, – немного помедлив, сказала Энн.

– Именно о господине Вентворфе! – Шепперд был сама признательность. – Именно о нем. Вы же помните, сэр Уолтер, у него был приход в Монкфорде года два или три тому назад. Он приехал туда году в ...5, мне кажется. Вы помните его, я уверен.

– Вентворф... Ах, да, господин Вентворф, священник в Монкфорде. Вы сбили меня, назвав его джентльменом – я подумал, вы говорите о человеке состоятельном. Господин Вентворф был никто, насколько я помню, ничего из себя не представлял, и не имел никакого отношения к семье из Стрэтфорда. Просто удивительно, насколько часто теперь встречаются знатные фамилии.

Как только господин Шепперд осознал, что эта связь Крофтов ничуть не поднимает их в глазах сэра Уолтера, он ни разу больше не произнес этого имени и полностью переключился на неоспоримые преимущества потенциальных жильцов, а именно их возраст, количество и богатство, высочайшее мнение о Киллинч-Холле, страстное желание арендовать его. Он дал также понять, что Крофты почтут за ни с чем не сравнимое счастье быть жильцами сэра Уолтера: весьма необычный вкус, не правда ли, если предположить, что они в курсе соображений последнего о том, как жилец должен вести себя в его доме.

Тем не менее, тактика принесла успех. Хотя сэр Уолтер ни за что не смог бы избавиться от неприязни к людям, вознамерившимся жить в его доме, и продолжал считать, что возможность арендовать Киллинч-Холл на таких условиях – это непозволительная удача, тем не менее, он дал Шепперду разрешение продолжать переговоры и, дождавшись приезда адмирала, который всё еще оставался в Таунтоне, назначить день для осмотра дома.

Сэр Уолтер не был особенно мудрым человеком, однако ему все же хватило жизненного опыта, чтобы почувствовать, что более покладистого во всех основных вопросах жильца, чем представлялся, судя по предварительным переговорам, адмирал Крофт, найти вряд ли удастся. Итак, в этой ситуации сэру Уолтеру хватило здравомыслия, а тщеславие несколько облегчило принятие решения, поскольку положение адмирала в обществе достаточно высоко, но вместе с тем не слишком высоко. «Я сдал свой дом адмиралу Крофту», – это будет звучать превосходно. Намного лучше, чем просто «господину такому-то». «Господин» всегда требует некоторых пояснений (за исключением, пожалуй, полудюжины человек в стране). «Адмирал» – это говорит само за себя, но, вместе с тем, адмиральское звание никогда не заставит померкнуть титул баронета. Во всех вопросах сэр Уолтер, несомненно, будет главенствовать.

Ни одно решение не могло быть принято без участия Элизабет. Однако сама идея переезда казалась ей теперь уже настолько заманчивой, что она была счастлива ускорить его, коль скоро нашелся жилец. Поэтому, ни одного слова против, ею сказано не было.

Господину Шепперду были даны все необходимые полномочия, и только когда обсуждение закончилось, Энн, которая слушала все с неослабным вниманием, вышла из комнаты, чтобы подставить прохладному ветерку свое пылающее лицо. Медленно прогуливаясь по своей любимой роще, она, тихо вздохнув, произнесла:

Еще несколько месяцев, и здесь, возможно, будет гулять *он*.

Глава 4

Он был не господин Вентворф, бывший священник Монкфорда, сколь бы вероятным не выглядело подобное предположение, а его брат, капитан Фредерик Вентворф, который получил повышение после битвы при Сент-Доминго, и, поскольку нового назначения сразу не последовало, приехал в Сомерсетшир летом 1806 г. Родители его уже умерли, и он нашел себе дом на полгода в Монкфорде. В то время это был в высшей степени привлекательный молодой человек, умный, энергичный и блестящий. Энн же была необыкновенно очаровательной юной девушкой, нежной, скромной, умеющей ценить красоту и способной тонко чувствовать. Даже половины достоинств с каждой стороны, возможно, хватило бы, поскольку ему было совершенно нечем заняться, а ей особенно некого было любить, встреча же двух столь совершенных созданий никак не могла пройти бесследно. Знакомство их происходило постепенно, когда же они, наконец, познакомились окончательно, то быстро и страстно полюбили друг друга. Трудно сказать, кто из них считал другого совершеннее, и кто был счастливее – она, когда слушала его признания и клятвы, или он, когда видел, что принят и любим.

Последовал короткий период безоблачного счастья – именно короткий, поскольку беда пришла быстро. Когда у сэра Уолтера попросили руки его дочери, он не ответил немедленным отказом и не сказал, что этому не бывать никогда, но сполна дал почувствовать свое отношение высокомерным удивлением, холодностью, молчанием и явной решимостью ничего не делать для своей дочери. С его точки зрения, это был бы недопустимо неравный брак. Что касается леди Рассел, то ее позиция была не столь тщеславной и более извинительной: она посчитала, что Энн очень не повезло с избранником.

Чтобы Энн Эллиот, с ее происхождением, красотой и умом, поставила на себе крест в 19 лет, обручившись с молодым человеком, который мог рассчитывать только на себя! Ведь у него нет ни малейшего шанса приобрести достаток, кроме, пожалуй, его весьма ненадежной профессии. Да и то, без связей, кто мог поручиться за его дальнейшее продвижение по службе? Нет, решительно, это означало бы погубить себя, что весьма печалило леди Рассел. Энн Эллиот еще так молода, так мало с кем знакома, и вдруг ее забирает с собой чужой человек без имени и без состояния, обрекая на изнурительную, полную тревог, губительную для молодости зависимость. Этого не произойдет, если только имеют какой-нибудь вес решительная позиция, доводы и убеждения той, которая всегда была другом, любила, почти как мать и имела почти материнские права.

У капитана Вентворфа не было состояния. Он был удачлив в деле, которым занимался, но быстро тратил все, что быстро приобретал, и поэтому ничего не скопил. Он не минуты не сомневался, что скоро будет богат – полный жизни и бьющей ключом энергии, он знал, что скоро под его командованием будет корабль, и он, в конце концов, выйдет на путь, ведущий ко всему, что хотелось иметь. Он всегда был удачлив и знал, что будет и впредь. Эта уверенность, сама по себе неотразимая, завораживала, действуя как гипноз и на того, кто ее испытывал, и на влюбленную Энн. Ей было этого достаточно. Однако на леди Рассел все это производило совсем иное впечатление. Жизнерадостный оптимизм и бесстрашие внушали ей ужас, она видела в них лишь дополнительное зло. В ее глазах эти качества делали молодого человека еще опаснее. Он был блестящ, своеволен и упрям, а леди Рассел едва ли могла по-настоящему оценить ум и панически боялась всего, что граничило с неосторожностью. Нет, положительно, она была против этой связи.

Соппротивление, вызванное чувствами молодых людей, оказалось не под силу Энн. Столь юное и нежное создание могло бы еще, возможно, противостоять жестокой воле отца, хотя и сестра не поддержала ее ни словом, ни взглядом, – но леди Рассел, которую она всегда любила и на которую полагалась, своей мягкостью и вместе с тем настойчивостью должна была, в конце

концов, добиться результата. Энн все-таки уверилась, что помолвка – это предприятие опрометчивое, неподобающее, едва ли имеющее шанс на успех, да и не заслуживающее его. Однако к разрыву ее подтолкнула отнюдь не эгоистичная осторожность. Если бы она не считала, что заботится о нем, а не о себе, то едва ли смогла бы оставить его. Она верила, что вся эта осторожность и самоотречение, все это ради него, и это было главным ее утешением в момент расставания – окончательного расставания. А утешение ей действительно было необходимо, поскольку на нее обрушилась вся его боль, – боль человека, который не согласен и не может смириться с вынужденным разрывом, и который чувствует, что его предали. После всего, что произошло, он уехал.

Их знакомство началось и закончилось всего за несколько месяцев, однако страдания Энн не прекратились с отъездом возлюбленного. Тоска и сожаления еще долго не позволяли ей наслаждаться молодостью, и именно это было одной из причин ее раннего увядания и уныния.

После этой небольшой печальной истории минуло 7 лет, и время ослабило, сведя почти на нет ее чувства к Вентворфу. Однако ничто другое, кроме времени, не способствовало ее выздоровлению – она не могла сменить обстановку, никуда не выезжала (если не считать единственной поездки в Бат вскоре после разрыва), не имела возможности встречаться с новыми людьми. В Киллинч ни разу не приехал никто, кого можно было бы сравнить с Фредериком Вентворфом, каким она его помнила. В узком кругу местного общества не было никого, кто мог бы снова оживить сердце такой умной, тонкой и разборчивой девушки, а потому она могла рассчитывать только на благотворное влияние времени. Когда Энн было 22, ее руки просил молодой человек, который, так ничего от нее и не добившись, женился потом на ее младшей сестре. Леди Рассел очень сожалела об отказе Энн, потому что Чарльз Масгроув был старшим сыном человека, который в смысле земельной собственности и значимости общественного положения уступал в тех краях только сэру Уолтеру. Кроме того, этот молодой человек отличался хорошим характером и приятной наружностью, и если леди Рассел могла бы желать чего-нибудь еще, когда Энн было 19, то теперь (а Энн уже 22) она была бы очень рада столь уважаемому браку, в результате которого Энн вырвалась бы, наконец, из отцовского дома, где к ней относились предвзято и несправедливо, и поселилась бы недалеко от леди Рассел. Однако в этом случае Энн не захотела слушать никаких советов, и хотя леди Рассел, как всегда гордая своим благоразумием, никогда не желала изменить прошлое, все же она начинала отчаиваться, что какой-нибудь достойный и обеспеченный молодой человек сможет убедить Энн стать хозяйкой в его доме, а ведь именно для этого девушка, казалось, идеально подходила, будучи по природе своей нежной и домашней.

Они никогда не обсуждали друг с другом главную причину поведения Энн, и ни одна из них не знала, как повлияли годы на мнение другой и повлияли ли вообще, поскольку эта тема вообще не затрагивалась. Что касается Энн, то в свои 27, она думала совсем иначе, чем когда послушалась чужих советов в 19. Она не осуждала леди Рассел и не осуждала себя за то, что попала под ее влияние, но она знала, что если кто-то юный, в подобных же обстоятельствах, попросит ее совета, то она не станет говорить ни о том, как неизбежны трудности, ни о том, как сомнительно будущее счастье. Она была уверена, что несмотря на неодобрение домашних, несмотря на опасности, связанные с его профессией, и всевозможные страхи и разочарования, через которые им, может, предстояло пройти, вопреки всему этому она была бы намного счастливее, сохранив помолвку, чем пожертвовав ею. Более того, она не сомневалась, что определенная доля тревоги и неуверенности неизбежна, и знала, что была бы готова даже на большие жертвы, хотя в ее случае ей, как оказалось позднее, не пришлось бы долго ждать благополучия и достатка. Благодаря своему таланту и энергии он сумел проложить себе путь к успеху. Очень скоро после разрыва он получил назначение, и все, что он обещал ей, действительно сбылось. Он отличился, быстро был повышен в звании, и теперь, после, нескольких побед, составил, должно быть, себе внушительное состояние. Ее выводы основывались только на официальных

сообщениях командования Флота и на газетных статьях, но она не минуты не сомневалась, что он богат. Кроме того, – и это говорило о его постоянстве, – у нее не было оснований считать, что он женат.

Какой красноречивой и убедительной была бы теперь Энн Эллиот, как решительно стала бы защищать раннюю нежную влюбленность и жизнерадостную уверенность в будущем от излишней осторожности, которая ни во что не ставила стремление к успеху и не верила в Судьбу. В юности ее заставили быть осторожной – годы научили ее быть романтической, таково естественное продолжение неестественного начала.

Не удивительно, что из-за всех этих обстоятельств, воспоминаний и чувств, возможность того, что сестра капитана Вентворфа будет жить в Киллинче, не могла не оживить в ней старую боль. Энн потребовалось немало времени, чтобы, прогуливаясь и иногда вздыхая, победить внутреннюю дрожь и успокоится. Она бесчисленное количество раз говорила себе, что это глупо, прежде чем пришла в себя настолько, чтобы не терять голову при одной мысли о Крофтах. Ее несколько успокаивало, что трое из ее близких, которые тоже были посвящены в эту историю, похоже, не придавали ей никакого значения в теперешних обстоятельствах и не давали повода к воспоминаниям. Разумеется, она понимала, что леди Рассел ведет себя именно так по более заслуживающим признательности причинам, чем отец и Элизабет, и тем более ценила ее молчание, однако сам тот факт, что прошлое было предано забвению, значил для Энн гораздо больше, чем причины, это объясняющие. Уверенность, что о недолгой помолвке известно только троим близким людям, всегда приносила ей облегчение. Теперь же, в виду возможного приезда адмирала Крофта, она еще раз порадовалась этому, поскольку была уверена, что никто не произнесет ни слова на болезную тему. Она также не сомневалась, что ОН доверился только брату, с которым в то время жил. Брат же был человеком разумным и, кроме того, в то время неженатым, да и, помимо всего прочего, давно уехал из этих краев, поэтому она могла быть вполне спокойна, что и от него никто ничего не узнал. Миссис Крофт, была в то время с мужем за пределами Англии, а собственная сестра Энн, Мэри, – в отъезде (она тогда училась в пансионе), позднее же никто даже мельком не упоминал при ней о произошедшем – некоторые из гордости, другие из деликатности.

Учитывая все это, Энн надеялась, что ее знакомство с Крофтами весьма вероятное, поскольку леди Рассел оставалась жить в Киллинче, а Мэри – всего в трех милях оттуда, не будет слишком неловким.

Глава 5

Утром того дня, на который был назначен осмотр Киллинч-Холла адмиралом и миссис Крофт, Энн сочла абсолютно естественным отправиться к леди Рассел (что она делала практически каждый день) и не возвращаться домой, пока визит не был окончен – тогда же она сочла не менее естественным сожалеть, что упустила возможность с ними познакомиться.

Встреча двух сторон привела к полному обоюдному удовлетворению, и решение было немедленно принято. Обе дамы были заранее настроены на положительный результат, а потому единственным, на что они обращали внимание друг в друге, были приятные манеры. Что же до мужчин, то на стороне адмирала были столь сердечный дружелюбный юмор, такая открытость, доверчивость и щедрость, что они не могли не подкупить сэра Уолтера, который, к тому же чувствовал себя польщенным словами Шепперда о том, что адмирал считал хозяина Киллинч-Холла образцом прекрасного воспитания, и поэтому был бесконечно вежлив и предупредителен.

Дом, сад, парк и мебель были одобрены, Крофты были одобрены не меньше, условия, время, все и всё было превосходно, и служащие господина Шепперда немедленно принялись за работу, причем в силу полного согласия договаривающихся сторон, ни малейших трудностей в оформлении договора не предвиделось.

Сэр Уолтер без колебаний объявил адмирала самым привлекательным внешне моряком, какого он когда-либо видел, и даже снизошел до того, чтобы сказать, что если бы его личный парикмахер занялся прической адмирала, то с ним не стыдно было бы появляться повсюду в обществе. Что же касается адмирала, то он с присущим ему добродушием заметил жене, когда они ехали обратно через парк:

– Полагаю, дорогая, что мы скоро заключим сделку, несмотря на то, что нам говорили в Таунтоне. Разумеется, чудес от баронета ждать не приходится, но он, похоже, безвреден.

Таковы были комплименты сторон друг другу, которые, видимо, можно счесть примерно равноценными.

Предполагалось, что Крофты должны въехать в Киллинч-Холл в день святого Майкла, и, поскольку сэр Уолтер предполагал переехать в Бат месяцем раньше, то следовало немедленно заняться необходимой подготовкой. Леди Рассел не сомневалась, что у Энн не будет возможности сколько-нибудь повлиять на выбор дома, да и перспектива столь скорого отъезда любимицы ее отнюдь не радовала. Она хотела бы, чтобы Энн могла задержаться дольше остальных, чтобы после рождества поехать в Бат вместе с ней. Однако, поскольку ей самой необходимо было уехать из Киллинча на несколько недель, то пригласить Энн погостить это время у нее она не могла. Сама же Энн, хоть и боялась сентябрьской жары в ослепительно белом Бате и жалела, что не придется провести в деревне полные грустного очарования осенние месяцы, все же не хотела оставаться. Уехать вместе со всеми будет правильнее, мудрее, а значит, и менее болезненно.

Вскоре, однако, ей пришлось пересмотреть свои планы. Мэри, которой довольно часто слегка нездоровилось, относилась очень серьезно к своему самочувствию и имела привычку требовать к себе Энн, как только с ней что-то не ладилось. Так вот теперь, испытывая недомогание, она предчувствовала, что болезни не оставят ее в покое всю осень, а потому умоляла – или, вернее сказать, настойчиво требовала, поскольку едва ли это можно назвать мольбой, – чтобы вместо Бата Энн приехала в Апперкросс и оставалась там как можно дольше.

– Я просто не смогу обойтись без Энн, – объясняла Мэри свою просьбу, на что Элизабет ответила:

– Тогда я уверена, что ей лучше остаться, поскольку в Бате она абсолютно никому не нужна.

Всегда приятнее чувствовать себя кому-то нужным (пусть даже просьба выражается не самым лучшим образом), чем абсолютно бесполезным и отвергнутым, поэтому Энн была рада, что может кому-то помочь, что у нее появились обязанности, которые, помимо всего прочего, позволят ей остаться на какое-то время в дорогой ее сердцу деревне. Надо ли говорить, что она с готовностью согласилась остаться.

Приглашение Мэри избавило леди Рассел от ее затруднений, и скоро было решено, что Энн приедет в Бат вместе с ней, пока же будет делить свое время между Апперкроссом и Киллинчем.

Все складывалось почти идеально, однако вскоре леди Рассел обнаружила в планах серьезный изъян, который очень сильно ее встревожил: как выяснилось, миссис Клей должна была ехать в Бат вместе с сэром Уолтером и Элизабет, поскольку являлась для последней важной и бесценной помощницей во всех делах. Леди Рассел была безумно расстроена, что подобное решение вообще было принято, – это ее удивляло, огорчало и пугало, – но кроме того, она понимала, насколько это унижительно для Энн: ведь миссис Клей была необходима, а Энн – бесполезна.

Энн привыкла к подобным унижениям, однако она не хуже леди Рассел понимала, насколько неосторожно было приближать к себе женщину, подобную миссис Клей. Энн была весьма наблюдательна и неплохо знала своего отца (хотя нередко даже жалела об этом), и она чувствовала, что столь тесные отношения вполне могут привести к более чем серьезным последствиям для семьи. Разумеется, сейчас ее отец был очень далек от чего-нибудь подобного. У миссис Клей были веснушки, и неровные зубы, и некрасивые запястья, по поводу которых сэр Уолтер постоянно отпускал язвительные замечания в ее отсутствие, однако она была молода и в целом, безусловно, привлекательна. Притягательность же, которую придавали ей острый ум и подчеркнута приятные манеры, была намного опаснее, чем чисто внешнее очарование. Энн так глубоко прониклась пониманием этой опасности, что сочла своим долгом поговорить с сестрой. У нее было мало надежды на успех, однако она понимала, что если события действительно станут развиваться так, как она предполагала, то положение Элизабет будет куда более плачевным, чем ее собственное, а потому не хотела, чтобы сестра когда-нибудь упрекнула ее за несделанное предостережение.

Разговор состоялся, но Элизабет восприняла его как оскорбление. Она не понимала, как столь нелепое предположение могло прийти в голову, и с негодованием поручилась, что все останется в надлежащих рамках.

– Миссис Клей, – сказала она с теплотой в голосе, – никогда не забывает, кто она такая. Я знаю ее намного лучше, чем ты, и уверяю тебя, что ее взгляды на брак особенно безупречны. К неравенству в положении и состоянии она относится с большим неодобрением, чем большинство людей. Что же касается моего отца, то если он так долго оставался вдовцом ради нас, то как можно подозревать его сейчас! Будь миссис Клей красавицей, не спорю, мне, возможно, не следовало бы так много держать ее подле себя: не то, чтобы я хоть на минуту допускала, что отец решится на неравный брак, но он мог бы страдать от этого. Но ведь бедняжку миссис Клей нельзя назвать даже хорошенькой! Нет, я более чем уверена, что ее присутствие абсолютно безопасно. Можно подумать, ты никогда не слышала, как мой отец отзывается об изъянах ее внешности, которые, увы, нельзя не заметить, а ведь ты присутствовала при этом множество раз! Эти ее зубы! И эти веснушки! Лично у меня веснушки не вызывают такого отвращения, как у него: я знаю, что некоторых небольшое количество веснушек не слишком портит, но они их не переносят! Ты же должна была слышать, как он отзывался о ее веснушках!

– Едва ли найдется такой изъян, – ответила Энн, – с которым приятные манеры постепенно не заставили бы примириться.

– Я думаю по-другому, – коротко сказала Элизабет. – Приятные манеры могут добавить человеку приятных черт, но никогда изменить то, что в нем некрасиво. И потом, поскольку в

любом случае мои интересы затронуты здесь больше, чем чьи-то еще, я не вижу необходимости в твоих советах.

И все-таки Энн была рада, что поговорила с сестрой (благо, теперь разговор был уже позади), и надеялась, что слова ее не пропадут даром. Даже отвергнув с негодованием всякие подозрения, Элизабет все же могла стать наблюдательнее.

Последний экипаж, запряженный четверкой лошадей, должен был вести в Бат сэра Уолтера, мисс Эллиот и миссис Клей. Все отъезжающие находились в превосходном настроении – сэр Уолтер даже был готов отвечать небрежными кивками на приветствия опечаленных его отъездом мелких арендаторов и земледельцев, если таковые встречаются на пути, а в то же самое время Энн в полном одиночестве медленно шла по направлению к Киллинч Лодж, где должна была провести первую неделю.

Леди Рассел находилась не в лучшем настроении, чем ее молодая подруга, потому что с трудом могла смириться с тем, что отныне семья Эллиотов – не единое целое. Их респектабельность была для нее не менее важна, чем собственная, а ежедневное общение с ними уже давно стало дорогой сердцу привычкой. Для нее было слишком болезненно видеть их опустевший дом, и еще хуже – знать, что скоро здесь поселятся другие люди. Поэтому, чтобы не мучить себя слишком долго печальным и меланхоличным зрелищем, которое представляло собой теперь так сильно изменившееся поместье, а также не видеть приезда Крофтов, леди Рассел решила уехать из дома сразу, как только из него уедет Энн. Так и было сделано: как только Энн перебралась в Апперкросс, леди Рассел отправилась по своим делам.

Апперкросс был небольшим поселением, которое всего несколько лет назад полностью соответствовало староанглийскому стилю. Здесь было всего два дома, которые выделялись на фоне жилищ крестьян и мелких фермеров: большой особняк, который называли Главным Домом, имел высокие стены, могучие ворота и был окружен старыми, как и сам дом, деревьями, а также отличался основательностью постройки, и оставался неизменным на протяжении всего времени своего существования. Кроме него, был еще небольшой аккуратный домик, который когда-то принадлежал приходскому священнику. Этот домик имел миниатюрный сад и буквально утопал в зелени винограда и грушевых деревьев. Когда молодой сквайр женился, домик переделали в коттедж для молодой четы, и теперь Коттедж Апперкросс, украшенный верандой, балконами и прочими милыми деталями был, пожалуй, не менее приятен глазу путешественника, чем более основательный и значительный Главный Дом, расположенный в четверти мили дальше.

Энн довольно часто жила здесь и была знакома с образом жизни хозяев не хуже, чем с порядками, которые царили в Киллинче. Обе семьи постоянно встречались на протяжении столь долгого времени, так привыкли приезжать друг к другу и уезжать в любое время, что привычки всех и каждого были вполне изучены. Поэтому Энн несколько удивилась, застав сестру в одиночестве, – ведь оставаясь одна, она практически неизменно заболела и впадала в уныние. Будучи, бесспорно, более чувствительной, чем старшая сестра, Мэри все же сильно уступала Энн в разумности, уравновешенности и чуткости. Когда она была здорова, счастлива и в центре внимания, то ей нельзя было отказать ни в приятности нрава, ни в очаровательной веселости, однако малейшее недомогание полностью выбивало ее из колеи. Кроме того, она абсолютно не переносила одиночества: унаследовав немалую часть эгоцентризма Эллиотов, она была весьма склонна при малейшем огорчении чувствовать себя еще и полностью заброшенной и несправедливо позабытой. Что же касается внешности, то она уступала обеим сестрам, и даже в лучшие свои годы была не более чем просто «хорошей девушкой».

Сейчас она лежала на выцветшем диване в прелестной маленькой гостиной. Мебель здесь когда-то была очень элегантной, однако солнце за четыре года сделало свое дело, да и присутствие в доме двух детей не могло пройти даром, а потому теперь все выглядело несколько выгоревшим и потрепанным. Когда появилась Энн, то вместо приветствия услышала следующее:

– Наконец-то это ты! Я начала думать, что никогда тебя не увижу. Я так больна, что еле-еле могу говорить. За целое утро я не видела ни одного живого человека!

– Мне очень жаль, что ты не здорова, – ответила Энн. – Но ведь судя по твоему письму, во вторник ты чувствовала себя прекрасно!

– Да, я старалась, чтобы все выглядело именно так. Я всегда стараюсь. Но на самом деле мне совсем не было так хорошо тогда, и уж конечно, я никогда в жизни не была, по-моему, так больна, как все сегодняшнее утро. Во всяком случае, уверена, что я слишком слаба, чтобы оставаться одной. А что, если бы со мной вдруг случилось что-нибудь ужасное, а я даже не смогла бы дотянуться до звонка! А леди Рассел, как я вижу, не соизволила приехать! Уверена, что она и трех раз не была здесь за это лето.

Энн сказала все, что подобает говорить в подобных случаях, и спросила Мэри о муже.

– О, Чарльз! Он на охоте. Я его не видела с семи часов. Он все-таки уехал, хотя я говорила, как я больна. Он обещал не задерживаться, но до сих пор не вернулся, а ведь уже почти час дня! Уверяю тебя, я за целое утро не видела ни одной живой души.

– А разве с тобой не было твоих маленьких сыночек?

– Да, пока я могла выносить их шум. Они так неуправляемы, что приносят мне больше вреда, чем радости. Маленький Чарльз меня совершенно не слушается, и Уолтер постепенно становится точно таким же.

– Ничего, теперь ты скоро почувствуешь себя лучше, – бодро ответила Энн. – Ты же знаешь, я всегда вылечиваю тебя, когда приезжаю. А как поживают в Главном Доме?

– Ничего не могу тебе о них сказать. Сегодня я не видела никого, кроме господина Масгроува, который просто приостановился и разговаривал через окно, даже не слезая с лошади. И хотя я сказала ему, как я больна, ни один из них не остался со мной. Для юных мисс Масгроув это, по-видимому, не слишком приятно, а они никогда не пожертвуют своими интересами.

– Однако, возможно, ты увидишь их еще утром – ведь еще так рано.

– Мне они совершенно не нужны, уверяю тебя. По мне, они слишком много говорят и смеются. О, Энн, я так больна! С твоей стороны было очень жестоко не приехать во вторник.

– Но моя милая Мэри, вспомни, пожалуйста, какое обнадеживающее письмо ты мне прислала! Ты была так бодро настроена: писала, что чувствуешь себя превосходно, и мне не следует торопиться с приездом. И потом, ты же знаешь, что я хотела оставаться с леди Рассел как можно дольше. Да и помимо всего этого, я просто была очень занята: у меня было столько дел, что мне было бы трудно уехать из Киллинча раньше.

– Бог ты мой! Какие же такие дела могли быть у *тебя*?

– Очень много дел, уверяю тебя. Сейчас я всего не вспомню, но кое-что могу сказать. Я делала копию каталога книг и картин отца, я несколько раз ходила в сад с Маккензи, пытаюсь понять сама и объяснить ему, какие из растений Элизабет предназначены леди Рассел, я упаковывала свои вещи, разбирала книги и ноты, и мне пришлось заново укладывать чемоданы, потому что я не поняла вовремя, что собираются отправлять в фургонах. И, потом, у меня было еще одно дело, Мэри, самое утомительное из всех: мне пришлось обойти почти все дома прихода и со всеми попрощаться. Мне сказали, что люди этого хотят. Но на все это ушло так много времени!

– Вот как! – и, после некоторой паузы, – Но ты ничего не спросила у меня о вчерашнем ужине, а ведь ты знала, что мы были у супругов Пул!

– Так ты, все-таки поехала? Я не спрашивала, потому что решила, что тебе придется отказаться.

– Ну, разумеется, я поехала. Вчера я прекрасно себя чувствовала. Со мной вообще все было в порядке до сегодняшнего утра. Да и странно было бы, если бы я не поехала.

– Я очень рада, что ты достаточно хорошо себя чувствовала, и, надеюсь, хорошо провела время на ужине.

– Ничего особенного. Всегда заранее знаешь, каким будет ужин, и кто будет приглашен. И это так безумно неудобно – не иметь собственного экипажа! Я ехала с господином и госпожой Масгроув, и нам было ужасно тесно. Они оба такие большие и занимают столько места! И потом, господин Масгроув всегда садится спереди, а мне пришлось тесниться на заднем сидении вместе с Генриеттой и Луизой. Очень вероятно, что сегодня я чувствую себя такой больной именно из-за этого.

Еще немного стойкого терпения и показной бодрости со стороны Энн практически исцелили Мэри. Скоро она уже могла сидеть на диване и начала надеяться, что к обеду сможет подняться. Затем, забыв об этом, она уже была на другом конце комнаты, поправляя вазу с цветами, затем поела холодного мяса, а затем была уже вполне в форме, чтобы предложить немного прогуляться.

– Куда мы пойдем? – спросила она, когда обе были готовы. – Полагаю, ты не захочешь идти в Главный Дом, пока они не нанесли визит тебе?

– Я совершенно не против, – ответила Энн. – Никогда не стала бы думать о таких мелочах и церемониться, когда речь идет о людях, которых я знаю настолько хорошо, как господина и госпожу Масгроув.

– Да? Но они обязаны нанести тебе визит как можно скорее. Они должны понимать, на что ты имеешь право как моя сестра. Впрочем, мы можем пойти и посидеть с ними немного, а когда это будет сделано, мы сможем погулять в свое удовольствие.

Энн всегда считала эти отношения крайне неблагоприятными, однако оставила попытки что-либо исправить, поскольку уверилась, что, хотя с обеих сторон постоянно имелись претензии и обиды, ни та, ни другая семья уже не могла без этого обходиться.

И они ходили в Главный Дом, и сидели там, обычно, целых полчаса в старомодной квадратной зале, с небольшим ковром и сияющим полом, порядок в которой преднамеренно нарушали дочери хозяев, используя для этого огромное фортепиано, арфу, подставки для цветов и маленькие столики, расставленные, как попало. О, если бы все это могли видеть те, кто изображен на портретах, украшающих стены! Если бы эти джентльмены в коричневом бархате и дамы в голубом атласе могли себе представить, что случилось с привычным порядком и строгостью стиля! Казалось, сами портреты взирали на все это с изумлением.

Масгроувы, как и их дома, находились в стадии перемен и, возможно, совершенствования. Отец и мать оставались верны староанглийскому стилю, молодежь же отдавали предпочтение новизне. Господин и госпожа Масгроув были очень хорошими людьми, дружелюбными, гостеприимными, хотя не слишком образованными и далеко не утонченными. У их детей были куда более современные взгляды и манеры. Это была довольно многочисленная семья, но, кроме Чарльза, взрослыми из младшего поколения были только Генриетта и Луиза – юные леди 19 и 20 лет, которые достигли в школе в Экстере всех необходимых успехов и теперь, подобно тысячам других юных леди, жили ради моды, счастья и замужества. Туалеты у них были самые изысканные, лица довольно хорошенькие, настроение, как правило, превосходное, манеры раскованные и приятные. Дома с ними считались, за его пределами они неизменно были всеобщими любимцами. Энн нередко думала о них как о счастливейших созданиях из всех, кого она знала. От желания поменяться с ними местами ее, как и многих из нас, спасало успокоительное чувство собственного превосходства – она не захотела бы отказаться от своего утонченного, гибкого ума ради доступных им радостей жизни. Она завидовала только тому, что между ними царили, казалось, идеальное понимание и согласие, а также дружелюбная и немного насмешливая взаимная симпатия, которой Энн была практически лишена в отношениях с обеими своими сестрами.

Их приняли с искренней сердечностью и наилучшим образом. Впрочем, Энн и так очень хорошо знала, что Главный Дом, как правило, был меньше всего повинен в возникающих сложностях. Полчаса незаметно пролетели за приятной беседой, и Энн вовсе не удивилась, что,

в конце концов, Мэри настоятельно пригласила обеих мисс Масгроув прогуляться вместе с ними.

Глава 6

Еще до этого визита в Апперкросс Энн прекрасно знала, что переезд из одной семьи в другую, пусть даже живущую на расстоянии всего трех миль, довольно часто означает необходимость столкнуться с абсолютно непохожими разговорами, мнениями и взглядами на жизнь. Она всегда поражалась этой разнице, когда гостила здесь раньше, и всегда хотела, чтобы и другие Эллиоты имели возможность увидеть, насколько мало значения здесь придавалось вещам, которые постоянно были темой для разговора и предметом неослабного внимания в Киллинч-Холле. Однако, несмотря на весь этот опыт, оказалось, что ей был необходим еще один урок, чтобы до конца осознать, насколько незначителен человек за пределами собственного круга. Она приехала в Апперкросс, переполненная чувствами и переживаниями, занимавшими в течение многих недель оба дома в Киллинче, и, разумеется, она ожидала куда больше интереса и сочувствия, чем то, что выразилось в весьма похожих между собой вопросах господина и госпожи Масгроув: «Итак, мисс Энн, сэр Уолтер и ваша сестра уехали?» и «И в какой же части Бата они, по-вашему, предпочтут обосноваться?». В свою очередь, юные леди добавили только: «Надеемся, что МЫ будем в Бате зимой. Но помни, папочка, если мы поедем, то должны жить в соответствующих условиях. И, ради бога, только не на твоей любимой Королевской площади!». Что же касается Мэри, то она лишь озабоченно добавила: «Хорошо же мне будет, когда вы все уедете веселиться в Бат!».

Энн решила, что впредь постарается не замыкаться так на собственных переживаниях, и еще раз поблагодарила Бога за такого действительно неравнодушного друга, как леди Рассел.

Мужчины семейства Масгроув были заняты собственными делами, у них были лошади, собаки и газеты, которые требовали внимания. Женщины же все свое время отдавали дому, соседям, платьям, танцам и музыке. Энн показалось весьма разумным, что каждое маленькое общество предписывает своим членам сугубо определенные интересы, и надеялась, что пройдет не так уж много времени, и она тоже что-то будет значить в этом маленьком мирке, в который она была перенесена силою обстоятельств. Учитывая, что ей предстояло провести в Апперкроссе по меньшей мере два месяца, она сочла себя просто обязанной как можно более полно переключить свое воображение, свою память и мысли на Апперкросс.

Энн не боялась этих двух месяцев. Мэри была не столь холодна и отчуждена, как Элизабет, и более доступна. Да и ничто другое в Коттедже не мешало приятному времяпрепровождению. С мужем сестры отношения ее всегда были самыми дружескими, что же касается детей, которые любили ее почти также, как свою мать, а уважали значительно больше, то общение с ними было для нее интересным, забавляло и позволяло полностью раскрыться.

Чарльз Масгроув был вежлив и дружелюбен. По уму и характеру он, безусловно, превосходил жену, но превосходство это не было столь критично, чтобы союз их вызывал сожаление. Чарльз не мог похвастать ни какими-то выдающимися способностями, ни изяществом речи, ни особой утонченностью, хотя Энн и леди Рассел допускали, что более подходящая жена могла бы сделать его намного лучше. Действительно умная женщина сумела бы придать цельность его характеру, а его привычкам и стремлениям – полезность, рациональность и элегантность. Сейчас же единственной его страстью был спорт, и время растрчивалось по пустякам, без какой-либо пользы: ни книги, ни что бы то ни было еще, его не интересовали. Он всегда находился в прекрасном расположении духа, на которое почти не влияли периодические депрессии жены, и стойчески переносил ее капризы, что вызывало восхищение Энн. В целом, хотя у них частенько возникали небольшие разногласия (Энн рада была бы не иметь к этому отношения, но и муж, и жена постоянно обращались к ней за разрешением своих споров), они, видимо, могли считаться счастливой семьей. Их объединяло желание иметь побольше денег и получить от отца Чарльза какой-нибудь внушительный подарок, но здесь, как и по многим

другим вопросам его позиция была менее предосудительна: тогда как Мэри считала просто постыдным то, что такой подарок не был сделан, он признавал, что у отца могло найтись для денег другое применение, да и вообще, он имел право тратить их, как хотел.

Что же касается воспитания детей, то его теории на этот счет были намного лучше, чем ее, да и на деле у него все получалось не так плохо. – «Я мог бы управляться с ними гораздо лучше, если бы Мэри не вмешивалась», – частенько говорил он, и Энн ему верила, тогда как выслушивая жалобы Мэри, («Чарльз настолько избаловал детей, что я совершенно не могу добиться от них послушания»), она не испытывала ни малейшего желания подтвердить ее правоту.

Самым малоприятным в положении Энн было как раз то, что все изливали на нее свои откровения, и она невольно оказывалась в центре всевозможных жалоб и претензий, которые поверяли ей представители как старшего, так и младшего поколений Масгроуов. Поскольку было известно, что она имеет некоторое влияние на сестру, ее часто просили – кто прямо, кто намеками, – использовать это влияние, сильно преувеличивая, при этом, его возможности.

«Постарайтесь убедить Мэри не представлять себя постоянно больной», – таковы были просьбы Чарльза. Мэри же, когда была не в лучшем настроении, говорила примерно следующее:

«Уверена, что если бы Чарльз увидел, как я умираю, он и тогда не поверил бы, что со мной что-то не так. Если бы ты захотела, Энн, то смогла бы убедить его, что я действительно очень больна – гораздо серьезнее, чем говорю».

Мэри заявляла: «Я терпеть не могу отправлять детей в Главный Дом, хотя бабушка всегда хочет их видеть. Она во всем им потакает, балует, как только может, да еще кормит таким количеством сладостей, что они непременно приезжают домой больные и весь день капризничают». А госпожа Масгроув, в свою очередь, едва оставшись наедине с Энн, немедленно пожаловалась: «О, мисс Энн, я бы так хотела, чтобы миссис Чарльз хоть немного научилась у вас обращению с детьми. С вами они просто неузнаваемы, хотя вообще-то их совершенно неправильно воспитывают. Как жаль, что вы не можете повлиять на сестру! Бедняжки, они такие милые и здоровенькие – я говорю это совершенно беспристрастно, – но миссис Чарльз понятия не имеет, как следует обращаться с детьми. Прости меня Господи, иногда они бывают совершенно невыносимы! Уверяю вас, мисс Энн, если бы не это, я была бы рада видеть их в моем доме гораздо чаще. Я полагаю, миссис Чарльз недовольна, что я так редко их приглашаю, но вы же понимаете, мне все время приходится их одергивать: «не делайте то, не делайте это», и все время кормить пирожными, чтобы хоть как-то удерживать в рамках, а все это чрезвычайно вредно для детей».

Мэри говорила, также, следующее: «Миссис Масгроув настолько уверена в своих слугах, что считает преступлением малейшее сомнение в их преданности и самоотверженности. А между тем я точно знаю, что ее старшая горничная и прачка, вместо того, чтобы выполнять свои обязанности, целыми днями слоняются по деревне. Я встречаю их всюду, куда бы не пошла, и уж точно невозможно дважды зайти в детскую и не увидеть их. Если бы Джемима не была самой преданной и надежной на свете гувернанткой, то это вполне могло бы испортить ее, потому что, по ее словам, они все время уговаривают ее прогуляться вместе с ними».

Госпожа Масгроув, впрочем, не отставала: «Я никогда не вмешиваюсь в дела невестки, потому что знаю, что это не принесет пользы, но ВАМ я могу сказать, мисс Энн, потому что вы, возможно, сумеете исправить положение. Дело в том, что я не очень хорошего мнения о ее гувернантке. О ней рассказывают странные вещи, и потом, она все время слоняется без дела. Кроме того, она слишком хорошо одета – это может плохо влиять на других слуг. Я знаю, что миссис Чарльз готова на нее молиться, но теперь, когда я намекнула вам, как обстоят дела, вы можете быть настороже и, если заметите что-нибудь, не сомневайтесь и скажите, что об этом думаете».

Мэри, в свою очередь, жаловалась, что госпожа Масгроув была склонна не уступать ей первенство во время ужинов с другими семьями в Главном Доме, хотя первенство принадлежало ей по положению. Мэри не понимала, с какой стати она должна проигрывать в статусе только потому, что считалась в Доме своей. А однажды, когда Энн прогуливалась в обществе обеих мисс Масгроув, одна из них, рассуждая о положении в обществе, о людях с положением и о зависти некоторых к положению других, сказала:

– Я могу совершенно спокойно говорить с ВАМИ о том, до какого абсурда доходят некоторые, когда речь идет об их положении, поскольку всем известно, насколько спокойно и равнодушно вы сами относитесь к таким вещам. Я хотела бы, чтобы кто-нибудь намекнул Мэри, что будет намного лучше, если она станет вести себя посдержаннее, и особенно, если перестанет так откровенно претендовать на место маман. Никто не ставит под сомнение ее право на главенство за столом, но было бы более уместно не настаивать на этом постоянно. Не то, чтобы маман это сколько-нибудь волновало, но я знаю, что многим это слишком бросается в глаза.

Как могла Энн все это исправить? Она едва ли была в состоянии сделать больше, чем просто терпеливо выслушивать, смягчать обиды и оправдывать одних перед другими, а также ненавязчиво напоминать о терпимости, необходимой в отношениях между столь близкими соседями и родственниками – при этом она позволяла себе несколько больше настойчивости, когда речь заходила о ее сестре.

Во всем остальном визит Энн начался и продолжался очень хорошо. Ее собственное настроение улучшилось от перемены места и атмосферы, здоровье Мэри поправилось, поскольку теперь она не бывала в одиночестве, да и ежедневные визиты в Главный Дом были во многом приятны, поскольку не мешали обычному течению жизни в Коттедже. Дальнейшее сближение между семьями едва ли было возможно, поскольку они и так уже стали встречаться каждое утро и крайне редко проводили вечера порознь. Но Энн искренне считала, что эти вечера во многом проиграли бы, если бы на своих обычных местах не восседали господин и госпожа Масгроув, а их дочери не оживляли обстановку своей болтовней, смехом и пением.

Энн играла намного лучше обеих мисс Масгроув, но у нее не было голоса, она не играла на арфе, и у нее не было любящих родителей, которые бы сидели рядом и искренне восхищались, а потому мало кто обращал внимание на ее игру, и она прекрасно понимала, что ее просили сыграть либо из вежливости, либо чтобы подбодрить остальных. Она полностью отдавала себе отчет в том, что ее игра доставляет удовольствие только ей самой, но это было привычным ощущением. Так было с тех пор, как умерла ее дорогая мама – с 14 лет Энн была лишена счастья, которое испытывает человек, когда его слушают с любовью, когда им восхищаются и ценят по достоинству. В музыке она привыкла чувствовать себя абсолютно одинокой, а потому необъективность господина и госпожи Масгроув по отношению к игре дочерей и их равнодушные к талантам кого бы то ни было еще скорее было поводом для радости за них, чем для переживаний за себя.

Иногда в Главном Доме бывали и другие гости. Местное общество было не так уж велико, но к Масгроувам ездили абсолютно все, они чаще всех давали званые обеды, и чаще всего принимали гостей приглашенных или пришедших просто так, чем любая другая семья. Они были, безусловно, популярнее всех своих соседей.

Девушки обожали танцевать, и поэтому вечера нередко заканчивались небольшим импровизированным балом. Недалеко от Апперкросса жили родственники, которые находились в более стесненных обстоятельствах, а потому полностью зависели от Масгроувов во всем, что касается развлечений. Они готовы были прийти в любое время, играть и танцевать где угодно.

Энн же предпочитала на таких вечеринках оставаться у фортепиано, нежели принимать участие во всеобщем веселье, а потому нередко подолгу играла им танцевальные мелодии. Именно эта ее доброта в самом выгодном свете представляла господину и госпоже Масгроув ее

музыкальные таланты, и она нередко слышала комплименты в свой адрес: «Прекрасно, мисс Энн! Просто превосходно! Потрясающе, как порхают ваши маленькие пальчики!».

Так прошло три недели, и наступил день святого Майкла. Теперь сердце Энн снова было переполнено Киллинчем. В любимый дом въезжают чужие люди... В этот день комнаты, мебель, роши и виды имения во всех красках стояли перед глазами девушки. 29 сентября она не могла думать ни о чем другом. Вечером Мэри проявила мимолетное участие, случайно обратив внимание на дату в календаре и воскликнув:

– Бог мой! А не сегодня ли Крофты должны въехать в Киллинч? Хорошо, что я не думала об этом раньше. Как же это, оказывается, неприятно!

Крофты вступили во владение с истинно морской расторопностью, и теперь им следовало нанести визит. Мэри оплакивала эту необходимость («Никто не понимает, как я страдаю. Я буду оттягивать эту поездку сколько возможно»), но в результате уговорила Чарльза отвезти ее в Киллинч-Холл, не прошло и нескольких дней, и вернулась оттуда очень оживленной и в прекрасном настроении. Энн искренне обрадовалась, что ей не нужно было ехать, но она хотела посмотреть на Крофтов и с удовольствием осталась, когда визит был возвращен. Они приехали. Хозяин дома отсутствовал, но обе сестры были рады приветствовать гостей. Энн досталось развлекать миссис Крофт, тогда как адмирал сел подле Мэри, которую немедленно еще больше расположил к себе несколькими забавными замечаниями о ее детях. Энн же могла сколько душе угодно искать в своей собеседнице некое сходство, и, не находя такового в чертах лица, улавливать его в голосе, манере говорить и размышлять.

Миссис Крофт не была ни высокой, ни слишком полной, но выглядела внушительно за счет основательности и дородности фигуры и манеры держаться очень прямо. У нее были яркие темные глаза, красивые зубы и в целом привлекательное лицо, но из-за красноватой и обветренной кожи (а этой женщине, несомненно, приходилось бывать на море едва ли намного меньше, чем ее мужу) она казалась старше своих 38 лет. Держалась супруга адмирала открыто, непринужденно и решительно, как человек, уверенный в себе и не склонный к сомнениям. Однако она отнюдь не была груба или лишена чувства юмора. Энн сразу же прониклась доверием к миссис Крофт, поскольку поняла, что та искренне сочувствует ее переживаниям, связанным с Киллинчем. И, кроме того, она была рада убедиться уже в первые же секунды знакомства, что миссис Крофт не имела на ее счет никаких подозрений, не была, казалось, в курсе некоей истории и едва ли могла затронуть щекотливую тему. Поэтому Энн, избавившись от своих страхов, чувствовала себя сильной и смелой, пока не грянул гром неожиданного вопроса гостьи:

– Как я понимаю это именно с вами, а не с вашей сестрой мой брат имел счастье быть знакомым, когда жил в этих краях?

Энн искренне надеялась, что уже вышла из того возраста, когда краснеют в подобных случаях, но оставаться спокойной, как выяснилось, она была абсолютно не в состоянии.

– Возможно вы не слышали, что он женился, – добавила миссис Крофт.

Энн немедленно почувствовала облегчение. Теперь она была в состоянии нормально разговаривать. И действительно, как она могла забыть, что существовал еще господин Вентворф! Последние слова гостьи напомнили ей об этом, и теперь она понимала, что и так взволновавший ее вопрос мог вполне относиться как к одному, так и к другому брату. Теперь ей показалось вполне естественным, что миссис Крофт говорит именно об Эдварде, а не о Фредерике. Ей стало стыдно своей забывчивости и она постаралась проявить должный интерес к теперешнему положению бывшего соседа.

Дальше все было очень спокойно до тех пор, пока гости не собрались уезжать. Уже провожая их к выходу, Энн услышала, как адмирал сказал Мэри:

– Скоро сюда должен приехать один из братьев миссис Крофт. По-моему, вы знаете его имя.

Однако атака детей Мэри не дала ему закончить мысль. Мальчишки весь вечер льнули к нему, как к старому приятелю, и теперь он был слишком занят клятвами, что никуда не уедет, и обещаниями унести их в своем кармане, чтобы вспомнить, что собирался сказать. Энн оставалось только уговаривать себя, что речь, должно быть, идет о другом брате. Она не могла, однако, окончательно победить сомнения, и поэтому умирала от желания узнать, не говорилось ли что-нибудь по этому поводу в Главном Доме, где Крофты побывали несколько раньше.

Предполагалось, что этим вечером семейство из Главного Дома нанесет визит в Коттедж. Поскольку время года уже не располагало к пешим прогулкам, то все уже начали прислушиваться, не едет ли экипаж, когда в комнату вошла младшая мисс Масгроув. Мэри была немедленно охвачена мрачным подозрением, что она пришла извиниться за остальных, и им придется провести вечер в одиночестве, но Луиза объяснила, что шла пешком только затем, чтобы в экипаже, в котором везли арфу, было больше места.

– Я вам все объясню, – сказала девушка. – Я пришла раньше еще и затем, чтобы предупредить вас, что папа и маман сегодня вечером не в духе. Особенно маман. Она так много думает о бедном Ричарде! Поэтому мы решили привезти арфу – она развлечет ее больше, чем фортепиано. Я расскажу вам, почему она в плохом настроении. Когда сегодня утром приезжали Крофты (они ведь потом были и у вас, не правда ли?), то они между прочим упомянули, что брат миссис Крофт, капитан Вентворф, только что вернулся в Англию (его списали или что-то в этом роде), и почти сразу едет их проведать. К несчастью, когда они уехали, маман пришло в голову, что Вентворф или кто-то с очень похожей фамилией, был когда-то капитаном бедного Ричарда – не знаю, когда и где, но довольно задолго до смерти бедняжки. Пересмотрев все его письма и вещи, она выяснила, что это действительно так, и теперь уверена, что это тот самый человек. Она решительно ни о чем другом не может думать – только о нем и о бедняжке Ричарде. Так что все мы должны быть как можно веселее, чтобы отвлечь ее от грустных мыслей.

Правдой в этой патетичной семейной истории было то, что у четы Масгроувов, к несчастью, был очень беспокойный, никчемный и склонный создавать всем проблемы сын, которого они, к счастью для себя, лишились раньше, чем ему исполнилось 20 лет. Правдой было также то, что его отправили в море, потому что на берегу он был туп и неуправляем, что семья никогда о нем особенно не заботилась, чего он, впрочем, и не заслуживал, редко что-либо о нем слышала и почти не оплакивала, когда обстоятельства его смерти стали, наконец, известны в Апперкроссе двумя годами раньше описываемых событий.

И хотя сейчас сестры делали для него все, что могли, называя его «бедняжкой Ричардом», он был всего лишь тупоголовым, бесчувственным, бесперспективным Диком Масгроувом, который ни в жизни, ни в смерти не сделал ничего, чтобы стать достойным большего, чем просто куцее и невыразительное «Дик».

Он несколько лет провел в море и поменял множество кораблей, как это обычно бывает во Флоте (впрочем, с теми, от кого капитаны хотят избавиться, это случается особенно часто). Так вот, переходя с корабля на корабль, он оказался на борту фрегата «Лакония», капитаном которого был Фредерик Вентворф, под чьим командованием он и служил 6 месяцев. Именно под влиянием капитана и были написаны те единственные два письма, которые за все время отсутствия сына получили родители, – два абсолютно равнодушных письма. Все остальное время он только просил денег. Капитан упоминался в обоих письмах, но Масгроувы не вникали в подобные детали: имена людей и названия кораблей были настолько им не интересны, что в то время имя «Вентворф» едва ли произвело хоть какое-то впечатление. То, что теперь госпожа Масгроув неожиданно связала это имя со своим сыном, можно объяснить разве что причудами памяти. Она нашла письма, а в них – подтверждение своим догадкам. Перечитать эти письма заново после столь долгого перерыва, когда сына уже нет в живых, а все его недостатки несколько забылись, оказалось тяжелым испытанием, которое ввергло ее в более силь-

ную скорбь, чем когда-то – известие о его смерти. Господин Масгроув также переживал нечто подобное, хотя и в более сдержанной форме. Поэтому, приехав в Коттедж, они в первую очередь хотели еще раз поведать сочувствующим слушателям эту печальную историю, а затем насколько возможно утешиться в бодро настроенном обществе.

В этот вечер все много говорили о капитане Вентворфе, повторяли его имя, вспоминали прошлые годы и, наконец, определились, что возможно или, даже, скорее всего, это и есть тот самый капитан Вентворф, с которым они несколько раз встречались, вернувшись из Клифтона, – очень приятный молодой человек. Правда, никто не мог с точностью сказать, было ли это 7 или 8 лет назад. Надо ли говорить, что все это было сущей пыткой для нервов Энн, однако она решила, что ей следует приучить себя к этому. Если он действительно должен сюда приехать, ей придется стать безразличной ко всему, что с ним связано. Ведь мало того, что он должен был приехать в Киллинч-Холл и при том весьма скоро, – все осложнялось еще и тем, что Масгроувы, растроганные его добротой к бедняжке Дику, и преисполненные уважения к человеку, под командованием которого целых шесть месяцев находился их сын, (упомянувший, кстати своего капитана в письме колоритной, хотя и не слишком грамотной фразой: «Стоящий мужик, только уж больно придирается по части учебы 3»), были полны решимости немедленно познакомиться с ним, как только представится возможность. Когда с этой темой было покончено, вечер пошел своим чередом.

Глава 7

Всего через несколько дней пришло известие, что капитан Вентворф приехал в Киллинч. Господин Масгроув немедленно нанес ему визит и вернулся в полном восторге. Капитана пригласили на ужин к Крофтам в конце следующей недели, причем господин Масгроув был несказанно разочарован тем, что нельзя было назначить более близкий день – настолько ему не терпелось выказать этому человеку свою признательность, увидеть его в своем доме и угостить самыми крепкими и лучшими напитками из своих погребов. Итак, должна была пройти неделя – ВСЕГО неделя с точки зрения Энн, – и они должны будут встретиться. Впрочем, как выяснилось, даже на неделю спокойствия Энн не могла рассчитывать.

Капитан воспользовался любезным предложением господина Масгроува очень скоро, и как раз в это самое время Энн едва не поехала в Главный Дом. Она и Мэри уже практически выезжали и, как выяснилось позднее, непременно встретились бы с гостем, если бы неожиданное несчастье не расстроило их планы. Случилось так, что старший сын Мэри неудачно упал и сильно расшибся. Все было настолько серьёзно, что о поездке не могло быть и речи. Однако, даже отчаянно переживая за ребенка, Энн не смогла остаться равнодушной, когда узнала о едва не состоявшейся встрече.

У мальчика была смещена ключица и, что хуже всего, он сильно ушибся спиной, и последствия могли быть непредсказуемы. Это был день, полный переживаний, и Энн приходилось заниматься всем сразу: надо было послать за врачом, найти и привести отца ребенка, не дать Мэри впасть в истерику, руководить слугами, не пускать в комнату младшего ребенка и всячески утешать и успокаивать старшего. За всеми этими делами она не сразу вспомнила послать известие в Главный Дом, а когда сделала это, то вместо помощников получила еще одну проблему в лице немедленно примчавшихся перепуганных родственников, которые задавали, к тому же, бесчисленное количество вопросов.

Первым утешением стал приезд Чарльза, который избавил Энн от необходимости заботиться о Мэри, второе же утешение явилось в лице врача. До его прибытия неопределенность ситуации порождала самые худшие предположения: все подозревали серьезную травму, но никто не знал, в каком именно месте. Теперь же, когда ключицу благополучно вправили, все начали надеяться на лучшее, хотя врач не перестал еще ощупывать ребенка, имел весьма суровый вид и продолжал давать рекомендации. Наконец, все вышли из комнаты и даже смогли пообедать в более менее приемлемом состоянии духа. Уже буквально перед отъездом, немного отвлекшись от мыслей о племяннике, юные мисс Масгроув смогли рассказать хозяевам подробности визита капитана Вентворфа. Девушки даже задержались на несколько минут, чтобы сообщить, что они обе буквально без ума от него, что он в тысячу раз красивее и обаятельнее, чем кто бы то ни было из знакомых мужчин, что они были сначала несказанно счастливы, когда отец предложил ему остаться на ужин, потом несказанно огорчены, когда гость вежливо отказался, а потом опять счастливы, когда он, уступив настояниям хозяев, обещал ужинать у них завтра – да, да, именно завтра! Кроме того, это обещание было сделано в такой приятной манере, как будто он понял причины столь настойчивого гостеприимства именно так, как следовало. Да и вообще, он выглядит и говорит настолько изысканно, что они обе просто в совершенном восторге. Выпалив все это на одном дыхании, девушки побежали догонять экипаж, причем обе были веселы и почти влюблены, и уж конечно думали гораздо больше о капитане Вентворфе, чем о маленьком Чарльзе.

Примерно та же история с не меньшим количеством восторгов была рассказана еще раз, когда обе мисс и господин Масгроув приехали, несмотря на вечернюю сырость, справиться о здоровье мальчика. Здоровье наследника уже не внушало особых опасений, и господин Масгроув от души присоединился к похвалам дочерей в адрес капитана Вентворфа и к их убежден-

ности, что откладывать ужин, на который уже пригласили молодого человека, нет необходимости. Все, разумеется, сожалели, что обитатели Коттеджа, по-видимому, не смогут приехать, так как не захотят оставить сына одного.

– О, нет, оставить его – это невозможно, – в один голос воскликнули Мэри и ее муж. Тревога еще была слишком свежа, чтобы допустить подобную мысль, и Энн, радуясь поводу не ехать, не замедлила к ним присоединиться.

Впрочем, некоторое время спустя Чарльз был уже менее категоричен: ребенок неплохо себя чувствует, а значит любящий отец, если он так хочет познакомиться с капитаном Вентворфом, вполне может позволить себе зайти вечером в Главный Дом. Конечно, он не собирается ужинать там, но почему бы не заскочить всего на полчаса? Эта мысль крайне не понравилась его жене:

– О, нет, Чарльз, ты не можешь уехать! А вдруг что-то случится?

Ночью ребенок спокойно спал, и на следующий день все тоже шло хорошо. Разумеется, только время могло показать, все ли в порядке со спиной мальчика, но господин Робинсон не видел особых причин для беспокойства, и Чарльз Масгроув считал, что его присутствие в доме необязательно. Ребенка надо держать в кровати и развлекать как можно более спокойным способом – так зачем здесь нужен отец? Это сугубо женское дело, и было бы глупо отцу, который все равно ничем не может помочь, запирает себя в четырех стенах. Тем более, господин Масгроув-старший очень хотел представить сына капитану Вентворфу, а значит, не имея веских причин для отказа, он просто обязан ехать. Взвесив все «за» и «против», Чарльз, по возвращении с охоты, решительно заявил, что намерен должным образом одеться и ужинать в Главном Доме.

– У мальчика все идет как нельзя лучше, – сказал он, – поэтому я только что сказал отцу, что приеду, и он полностью одобрил мое решение. Поскольку с тобой, любовь моя, остается твоя сестра, я абсолютно спокоен. Ты, конечно, не захочешь оставить его, но я, как ты понимаешь, едва ли здесь нужен. Энн пошлет за мной, если что-то случится.

Супруги обычно чувствуют, когда возражать бесполезно. По тому, как Чарльз сказал все это, Мэри поняла, что он окончательно решил ехать, и не стоит лишний раз спорить. Она не произнесла ни слова, пока он оставался в комнате, но, едва он вышел, высказала Энн все, что думала о его поведении:

– Подумать только! Мы с тобой должны оставаться здесь в одиночестве, с больным ребенком, и ни одна живая душа не поинтересуется нами за целый вечер! Я так и знала! Такова моя судьба. Если случается что-то неприятное, мужчины всегда умывают руки, и Чарльз ничем не лучше всех остальных. Как это жестоко! Чарльз поступает жестоко, бросая своего бедного больного мальчика под предлогом, что у него все в порядке. Откуда мы можем знать, все ли в порядке, и не случится ли чего через какие-нибудь полчаса! Я не думала, что Чарльз поведет себя так жестоко. Значит, он поедет и будет веселиться в свое удовольствие, а мне, несчастной матери больного ребенка, нельзя и на шаг отойти? А между тем именно я меньше всего подхожу для того, чтобы ухаживать за мальчиком. Я его мать, и именно поэтому нельзя испытывать мои чувства! Я просто этого не выдержу! Ты же видела, какая истерика была у меня вчера.

– Но это было просто от неожиданности – всего лишь шок. Истерики у тебя больше не будет. Надеюсь, что нам больше не придется волноваться. Я прекрасно поняла все рекомендации господина Робинсона и ничего не боюсь. Да и в поведении твоего мужа, Мэри, не вижу ничего предосудительного. Мужчины не нянчатся с детьми – это не для них. Больной ребенок – забота прежде всего матери, иначе и быть не может.

– Не думаю, что я меньше люблю своего ребенка, чем наша мать любила нас, но едва ли в комнате больного от меня больше пользы, чем от Чарльза. Я же не могу вечно дергать и ругать бедного ребенка, когда он не здоров, а ведь ты видела утром, что стоит мне велеть ему

лежать спокойно, как он тут же начинал ворочаться. У меня просто слишком слабые нервы для подобных вещей!

– Но ты сама, неужели могла бы спокойно развлекаться, оставив своего бедного мальчика на целый вечер?

– Да! Ты же видишь, его отец может, – так почему не могу я? Джемима так заботлива! И она могла бы каждый час присылать нам известие о его самочувствии. Нет, в самом деле, Чарльз вполне мог сказать, что мы все приедем. Я не больше него боюсь сейчас за маленького Чарльза – вчера я была в панике, но сегодня все по-другому.

– Что ж, если еще не поздно, думаю, что тебе следует поехать с мужем. Доверьте маленького Чарльза моим заботам. Господин и госпожа Масгроув не осудят вас, если с ребенком останусь я.

– Ты серьезно? – воскликнула Мэри, и ее глаза засверкали. – Бог мой, какая прекрасная мысль! Действительно, прекрасная! Поеду я или нет – что это меняет, если от меня все равно никакого проку дома, не правда ли? Это только мучает меня. Ты не переживаешь, как мать, и поэтому от тебя намного больше пользы. Ты же можешь заставить маленького Чарльза делать все, что угодно, – он беспрекословно тебя слушается. Так будет гораздо лучше, чем оставить его с одной Джемимой. О, я непременно поеду! Я уверена, что, как и Чарльз, просто обязана ехать, если у меня есть возможность, ведь меня очень хотят представить капитану Вентворфу. Кроме того, я знаю, что ты не против остаться одна. Действительно, прекрасная мысль, Энн! Я сейчас скажу Чарльзу, и немедленно буду одеваться. Разумеется, ты знаешь, что можешь послать за нами, если что-то случится, но думаю, тебе не о чем будет беспокоиться. Будь уверена, я никуда бы не поехала, если бы не была абсолютно спокойна за моего дорогого малыша.

Несколько секунд спустя она уже барабанила в дверь гардеробной мужа, и, поскольку Энн последовала за ней на второй этаж, то могла слышать весь разговор, который Мэри начала дрожащим от возбуждения голосом.

– Я собираюсь ехать с тобой, Чарльз, потому что нужна дома не больше тебя. Если я навсегда прикую себя к ребенку, то уж точно не смогу заставить его сделать что-то против его воли. Энн остается. Энн предложила остаться и позаботиться о нем. Это была ее собственная мысль, а я поеду с тобой, что будет гораздо лучше, поскольку я не ужинала в Главном Доме со вторника.

– Это очень мило со стороны Энн, – ответил муж, – и я был бы рад поехать вместе с тобой, но, по-моему, не слишком хорошо оставлять ее дома одну нянчиться с нашим больным ребенком.

Но Энн была уже здесь, и могла сама за себя ответить. Она говорила так искренне, что Чарльз быстро позволил себя убедить (ведь это полностью соответствовало его желаниям). Он уже не считал, что это плохо – оставить ее ужинать совсем одну, но хотел, чтобы она присоединилась к ним хотя бы вечером, когда ребенок уснет, и предлагал заехать за ней попозже. Однако она не слушала никаких уговоров, и в результате имела удовольствие видеть, что они отбыли в превосходном настроении. Энн искренне надеялась, что они сумеют повеселиться, – пусть даже веселье при подобных обстоятельствах могло показаться несколько странным. Ей же оставались привычные утешения: она знала, что больше всех нужна ребенку, и что ей за дело до того, что всего в полумиле отсюда Фредерик Вентворф с кем-то любезничает!

Энн очень хотела бы знать, что ОН думает о возможной встрече. Может, ему все равно, если безразличие возможно при подобных обстоятельствах. Да, мысль о встрече должна быть ему безразлична или неприятна, ведь пожелай он увидеть ее снова, ему не надо было бы ждать столько времени – он мог сделать это намного раньше, как только волей обстоятельств получил независимость, а значит, уничтожил единственное препятствие на пути их любви. Энн верила, что, будь она на его месте, то именно так и поступила бы, но, увы, она была всего лишь Энн, и что она могла поделать?

Чарльз и Мэри вернулись в полном восхищении от нового знакомого и от визита в целом. Было много музыки, пения, разговоров и смеха – всего, что всегда особенно приятно. У капитана Вентворфа очаровательные манеры, без излишней застенчивости или сдержанности, – казалось, что он давно всех прекрасно знает. И завтра утром он будет охотиться с Чарльзом. Вообще-то, сначала его пригласили завтракать в Коттедже, но потом господин и госпожа Масгроув настояли, чтобы он завтракал у них, и он согласился, поскольку, зная о несчастье с ребенком, не хотел своим присутствием мешать миссис Чарльз Масгроув. Но в результате было решено, что Чарльз встретится с капитаном Вентворфом за завтраком в Главном Доме, и они отправятся стрелять, хотя кому и когда пришла в голову эта идея, никто толком не помнил.

Энн все поняла – он хотел избежать встречи с ней. Ей передали, что он справлялся о ее здоровье, как это было бы прилично, будь они мимолетно знакомы в прошлом. Они оба предпочли сразу дать понять всем остальным, что уже знакомы, – скорее всего он, как и она, просто хотел избежать тем самым необходимости быть представленным, когда встреча все-таки произойдет.

Утро в Коттедже обычно начиналось позднее, чем во многих домах, однако этот день стал исключением. Мэри и Энн только приступали к завтраку, когда вошел Чарльз и сказал, что они как раз выезжают, что он приехал за своими собаками, и что его сестры следуют за ним вместе с капитаном Вентворфом. Девушки предполагают навестить Мэри и ребенка, и капитан тоже хотел бы заехать на несколько минут, если это удобно. И, хотя Чарльз утверждал, что состояние ребенка вполне удовлетворительно, а значит, и визит вполне удобен, капитан был готов заехать только при условии, что он, Чарльз, поедет вперед и предупредит хозяйку дома.

Мэри, польщенная таким вниманием, приняла гостя с восторгом. Что же касается Энн, то в бешеном круговороте чувств и мыслей, обрушившихся на нее, было только одно утешение – все это скоро закончится. И все действительно скоро закончилось. Буквально через две минуты после Чарльза приехали и остальные. Все были в гостиной. Почти не глядя ему в глаза, она пережила и его поклон, и какую-то вежливую фразу, потом она слышала его голос – он разговаривал с Мэри и тоже сказал все, что подобает в подобных случаях, потом – два слова сестрам Чарльза, вполне достаточно, чтобы понять, что они в прекрасных отношениях. Комната буквально гудела от людей и голосов, но вдруг, за какие-нибудь минуты, все кончилось. Чарльз сказал на прощание несколько слов через окно, гость вежливо поклонился и уехал, сестры Масгроув тоже исчезли, неожиданно решив прогуляться до конца деревни вместе с мужчинами. Комната опустела, и Энн могла продолжить завтрак, если была в состоянии.

«Все позади, все позади!» – судорожно повторяла она про себя, благодаря Богу, что смогла пережить эти минуты. «Самое страшное позади».

Мэри что-то говорила, но Энн ничего не слышала. Она его видела. Они снова были в одной комнате.

Потом она начала спорить с собой, пытаясь совладать со своими чувствами. Восемь лет – прошло уже восемь лет с тех пор, как все было кончено. До чего же нелепо снова впасть в сумасшествие, которое с годами почти забылось и стало бесконечно далеким и даже неправдоподобным! На что только не способны восемь лет, ведь в них – бесконечная череда событий, перемен, расставаний и новых впечатлений. И забвение – как оно естественно и неизбежно! Ведь восемь лет – это почти треть ее жизни.

Увы! Несмотря на все эти доводы, ей пришлось признать, что для некоторых чувств восемь лет – ничто.

Но как узнать, что чувствует он? Говорило ли его поведение за то, что он хотел бы избежать ее? Но уже минутой позже она ненавидела ту часть себя, где родился этот вопрос.

Вскоре, однако, еще один вопрос, который даже ее пристрастность не могла предвидеть, потребовал от нее всей выдержки, на которую она только была способна. Сестры Масгроув

вернулись, чтобы завершить свой визит в Коттедж, и Мэри сразу же после их отъезда сообщила новость:

– Капитан не был слишком галантен с тобой, Энн, хотя по отношению ко мне он – сама обходительность. Генриетта спросила его мнение о тебе, когда они ехали по деревне, и он сказал, что ты так изменилась, что он предпочел бы, чтобы этой встречи не было.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.